

ISSN: 2949-1193

Научный электронный журнал

**ФЕНОМЕН ПРАВА И
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО:
СТРАТЕГИИ И МЕТОДЫ
ПОЗНАНИЯ**

**Том 1 / №1
2022**

Издательство
Калмыцкого университета

Ж У Р Н А Л

ФЕНОМЕН ПРАВА И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО: СТРАТЕГИИ И МЕТОДЫ ПОЗНАНИЯ

Научный электронный журнал

www.law-kalmsu.ru

Том 1, № 1

**THE PHENOMEN OF LAW AND LEGISLATION
STRATEGIES AND METHODS OF COGNITION**

Academic E-Journal

www.law-kalmsu.ru

Volume 1, Number 1

2022 № 1
Основан в 2022 году

Журнал «The Phenomen of Law and Legislation: Strategies and Methods of Cognition» (Феномен права и законодательство: стратегии и методы познания) отечественный электронный научный журнал, публикующий на своих страницах труды по актуальным вопросам юриспруденции.

Журнал является периодическим научным изданием, раскрывающим оригинальные фундаментальные научные исследования в области российского права, состояние современного правоприменения и оценку законодательных проектов, а также научной доктрины и практики.

Научный сетевой журнал предоставит возможность исследователям опубликовать результаты собственной научной и прикладной деятельности.

Цель журнала состоит в обмене новейшей информацией в соответствии с постоянными контактами представителей научных школ вузов России и зарубежных стран, доведения научных и практических идей до широкого круга читателей.

Основные задачи: развитие и публикационная поддержка актуальных научных направлений современной юридической науки; продвижение результатов исследований в отечественной и международной науке; обеспечение и поддержание высоких стандартов научных исследований в юридической науке.

Разделы журнала:

Международное частное право; теория государства и права; история государства и права; конституционное право; гражданское право и процесс; семейное право; трудовое право; экологическое право; земельное право; административное право; муниципальное право; уголовное право и процесс.

Мы выходим 4 раза в год

- Рабочими языками сетевого издания являются русский, английский.
- Государственная регистрация в Роскомнадзоре: Свидетельство о регистрации СМИ (электронная версия): Эл. № ФС 77-83795 от 12.08.2022 г.
- e-ISSN: 2949-1193
- Опубликованные в журнале материалы предназначены для лиц старше 16 лет.

2022 № 1

The journal was founded in 2022

The journal «The Phenomen of Law and Legislation: Strategies and Methods of Cognition» domestic electronic scientific journal publishing on its pages works on topical issues of jurisprudence. The journal is a periodical scientific publication that reveals original fundamental scientific research in the field of Russian law, the state of modern law enforcement and the assessment of legislative projects, as well as scientific doctrine and practice. The scientific network journal will provide an opportunity for researchers to publish the results of their own scientific and applied activities.

The purpose of the journal is to exchange the latest information in accordance with the constant contacts of representatives of scientific schools of universities in Russia and foreign countries, to bring scientific and practical ideas to a wide range of readers. Main tasks: development and publication support of topical scientific areas of modern legal science; promotion of research results in domestic and international science; ensuring and maintaining high standards of scientific research in legal science.

Sections of the journal:

International private law; Theory of Government and Rights; history of state and law; constitutional law; civil law and process; family law; labor law; environmental law; land law; administrative law; municipal law; criminal law and process.

Published four times a year

- The working languages of the network edition are Russian, English. Mongolian.
- State registration of Roskomnadzor. Certificate of Media Registration (electronic version): Registration record No FS 77-83795 from 12.08.2022.
- e-ISSN: 2949-1193
- The materials published in the journal are intended for persons over 16 years.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Рыженков Анатолий Яковлевич, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса, заслуженный деятель науки Республики Калмыкия (Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Андреев Юрий Николаевич, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского и трудового права (Воронежский институт ФСИН России)

Анисимов Алексей Павлович, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса факультета управления и права (Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова)

Беликова Ксения Михайловна, доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права (Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина – МГЮА)

Богданов Дмитрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

Волков Александр Викторович, доктор юридических наук, Управляющий партнер адвокатского бюро «Ирбис, адвокат»

Давыдова Марина Леонидовна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права (Волгоградский государственный университет)

Дерюгина Татьяна Викторовна, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса (Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя)

Дикарев Илья Степанович, доктор юридических наук, доцент, директор института права (Волгоградский государственный университет)

Землякова Галина Леонидовна, доктор юридических наук, доцент, ведущий сотрудник (Институт государства и права Российской академии наук)

Иншакова Агнесса Олеговна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского и международного права, Почетный работник сферы образования Российской Федерации (Волгоградский государственный университет)

Казаченок Светлана Юрьевна, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (Волгоградская Коллегия адвокатов «Казаченок и партнеры»)

Камышанский Владимир Павлович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации (Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина)

Кокоева Луиза Темболатовна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского и трудового права, заслуженный деятель науки РСО-Алания (Северо-Кавказский горно-металлургический институт (государственный технологический университет))

Макарова Тамара Ивановна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой экологического и аграрного права (Белорусский государственный университет)

Мисник Галина Анатольевна, доктор юридических наук, профессор кафедры земельного и экологического права (Российский государственный университет правосудия)

Мильков Александр Васильевич, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса (Северо-Кавказский федеральный университет, институт сервиса, тризма и дизайна (филиал), г. Пятигорск)

Михайлова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор, эксперт Центра научной и экспертной аналитики Международного центра компетенций «АйПи» «Российская академия интеллектуальной собственности»

Молчанов Александр Александрович, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права (Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации)

Мохов Александр Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой медицинского права, Почетный работник сферы образования Российской Федерации (Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина – МГЮА)

Навасардова Элеонора Сергеевна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой экологического, земельного и трудового права (Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь)

Савельева Елена Викторовна, доктор исторических наук, профессор, декан юридического факультета (Астраханский государственный университет).

Разгельдеев Назир Тагирович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного, экологического права и криминологии (Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского)

Тужилова-Орданская Елена Марковна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права, Почетный работник высшего профессионального образования РФ (Башкирский государственный университет)

Шаронов Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса, Почетный работник сферы образования Российской Федерации (Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В.Я. Кикотя)

Шевелева Светлана Викторовна, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета (Юго-Западный государственный университет)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Цуглаева Нина Викторовна, кандидат юридических наук (Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова» (Элиста, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Рубеко Георгий Леонидович, кандидат юридических наук, доцент (Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аштаева Саглар Сергеевна, старший преподаватель (Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова»)

Инжиева Буйнта Борисовна, кандидат юридических наук (Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова»)

Команджаев Евгений Александрович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права (Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова»)

Очир-Гаряева Ирина Калиновна, кандидат юридических наук (Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова»)

Сухинин Александр Витальевич, доктор юридических наук, профессор (Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова»)

Цебекова Гиляна Владимировна, кандидат юридических наук, доцент (Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова»)

CHAIRMAN OF THE EDITORIAL BOARD

Ryzhenkov Anatoly Jakovlevich, doctor of law, Honored Scientist of the Republic of Kalmykia professor of the Kalmyk state university named after B.B. Gorodovikov (Elista, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

Andreev Yuri Nikolaevich, doctor of law, professor of the department of civil and labor law (Voronezh Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia)

Anisimov Aleksey Pavlovych, doctor of law, professor of the department of civil law and procedure of the Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov (Elista, Russia)

Belikova Ksenia Mikhailovna, doctor of law, professor of the department of business and corporate law (Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

Bogdanov Dmitry Evgenievich, doctor of law, professor of the department of civil law (Kutafin Moscow State Law University (MSAL))

Volkov Alexander Viktorovich, doctor of law, managing partner of the law office “Irbis, lawyer”

Davydova Marina Leonidovna, doctor of law, professor, head of the department of constitutional and municipal law (Volgograd State University)

Deryugina Tatyana Viktorovna, doctor of law, professor of the department of civil and labor law, civil procedure (The Vladimir Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia)

Dikarev Ilya Stepanovich, doctor of law, associate professor, director of the institute of law (Volgograd State University)

Zemlyakova Galina Leonidovna, doctor of law, associate professor, leading fellow (Institute of state and law of the Russian Academy of Sciences)

Inshakova Agnes Olegovna, doctor of law, professor, Head of the Department of Civil and International Law (Volgograd State University)

Kazachenok Svetlana Yurievna, doctor of law, professor, VCA «Kazachenok & Partners»

Kamyshansky Vladimir Pavlovich, doctor of law, associate professor, head of the department of civil law (Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin)

Kokoeva Luiza Tembolatovna, doctor of law, professor, head of the department of civil and labor law (North Caucasian Mining and Metallurgical Institute (State Technological University))

Makarova Tamara Ivanovna, doctor of law, professor, head of the department of environmental and agrarian law (Belarusian State University)

Misnik Galina Anatolyevna, doctor of law, professor of the department of land and environmental law (Russian State University of justice)

Milkov Alexander Vasilievich, doctor of law, professor of the department of civil law and process (North Caucasian Federal University, institute of service, tourism and design (branch))

Mikhailova Irina Alexandrovna, doctor of law, professor, expert of the center for scientific and expert analytics of the IP international competence center of the federal state budgetary educational institution of higher education Russian Academy of Intellectual Property

Molchanov Alexander Alexandrovich, doctor of law, professor of the department of civil law (St. Petersburg University of the ministry of internal affairs of the Russian Federation)

Mokhov Alexander Anatolievich, doctor of law, professor, head of the department of medical law (Kutafin Moscow state law university (MSAL))

Navasardova Eleonora Sergeevna, doctor of law, professor, head of the department of environmental, land and labor law (North Caucasian federal University)

Savelyeva Elena Viktorovna, doctor of historical sciences, professor, dean of the faculty of law (Astrakhan State University)

Razgeldeev Nazir Tagirovich, doctor of law, professor, head of the department of criminal, environmental law and criminology (Saratov national research State University named after N.G. Chernyshevsky)

Tuzhilova-Ordanskaya Elena Markovna, doctor of law, professor, head of the department of civil law (Bashkir State University)

Sharonov Sergey Alexandrovich, doctor of law, professor of the department of civil and labor law, civil procedure (The Vladimir Kikot Moscow University of the ministry of internal affairs of Russia)

Sheveleva Svetlana Viktorovna, doctor of law, professor, dean of the faculty of law (Southwestern State University)

EDITOR-IN-CHIEF

Tsuglaeva Nina Viktorovna, candidate of law, associate professor of the Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov (Elista, Russia)

DEPUTY CHIEF EDITOR

Rubeko Georgy Leonidovich, candidate of law, associate professor of the Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov (Elista, Russia)

EDITORIAL BOARD

Ashtaeva Saglar Sergeevna, senior lecturer of the Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov (Elista, Russia)

Inzhieva Buynta Borisovna, candidate of law, associate professor of the Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov (Elista, Russia)

Komandzhaev Evgeniy Aleksandrovych, candidate of law, associate professor of the Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov (Elista, Russia)

Ocir-Garyaeva Irina Kalinovna, candidate of law, associate professor of the Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov (Elista, Russia)

Suhinin Aleksandr Vitaliyevich, doctor of law, professor of the Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov (Elista, Russia)

Tsebekova Gilyana Vladimirovna, candidate of law, associate professor of the Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov (Elista, Russia)

Главная тема номера журнала: Роль права в формировании «зеленой экономики» в национальных юрисдикциях (на примере Российской Федерации): Статьи по главной теме подготовлены в рамках проекта «Волга – Каспий: Право и зеленая экономика» Программы развития Калмыцкого государственного университета им Б.Б. Городовикова на 2021-2030 годы.

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Анисимов А.П., Доржи-Горяева Э.В.* О понятии и тенденциях развития системы экологических договоров19
- Иншакова А.О., Понька В.Ф.* Правовое регулирование экологического аудита в контексте задач перехода России к «зеленой» экономике.....27
- Рыженков А.Я., Казаченок С.Ю.* К вопросу о переходе на стандарты «зеленой» экономики в сельском хозяйстве России36

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

- Бортенев А.И.* Устойчивость и способность системы римского частного права к саморазвитию и рецепции.....46
- Команджаев Е.А., Ятаева Н.В.* К вопросу о справедливости в праве.....54

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

- Ускова М.С.* К вопросу о правовой природе страхования63

НОВЫЕ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- Минькеев О.Д.* Понятие и структура кластерных правоотношений70

ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКОГО И АРБИТРАЖНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

- Кайль Я.Я., Усанова В.А.* Подсудность дел с участием самозанятых граждан.....78
- Рубеко Г.Л.* Об отдельных аспектах применения информационно-цифровых технологий в российском судопроизводстве.....85

The main topic of the journal issue: The role of law in the formation of a «green economy» in national jurisdictions (on the example of the Russian Federation): Articles on the main topic were prepared within the framework of the Volga-Caspian: Law and Green Economy project of the Development Program of Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov for 2021-2030.

CONTENT

LEGAL SCIENCES

- Anisimov A.P., Dorzhi-Goryaeva E.V.* On the concept and development trends of the system of environmental contracts..... 19
- Inshakova A.O., Ponka V.F.* Legal regulation of environmental audit in the context of the tasks of Russia’s transition to a “green” economy.....27
- Ryzhenkov A.YA., Kazachenok S.YU.* On the issue of transition to the standards of “green” economy in agriculture in Russia.....36

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

- Bortenev A.I.* Stability and ability of the system of Roman private law for self-development and reception.....46
- Komandzhaev E.A., Yataeva N.V.* To the question of justice in law54

ACTUAL PROBLEMS OF CIVIL LAW

- Uskova M.S.* To the question of the legal nature of insurance.....63

NEW ORGANIZATIONAL AND LEGAL FORMS OF ECONOMIC ACTIVITY

- Minkeev O.D.* The concept and structure of cluster legal relations.....70

ISSUES OF CIVIL AND ARBITRATION PROCEEDINGS

- Kyle YA.YA., Usanova V.A.* Jurisdiction of cases involving self-employed citizens.....78
- Rubeko G.L.* On certain aspects of the use of information and digital technologies in Russian legal proceedings85

ОБРАЩЕНИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА, ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Главной темой настоящего выпуска является проблема перехода России на стандарты «зеленой» экономики. Данная тема была выбрана нами не случайно. По сравнению с традиционной («коричневой») экономической моделью, «зеленая» экономика ориентируется на гармоничное развитие промышленной и иной хозяйственной деятельности и охрану окружающей среды, уменьшение опасности причинения вреда здоровью людей и окружающей среде. Целью «зеленой» экономики является достижение гармонии между экономикой и окружающей средой, развитие природоохранных (экологически чистых) технологий, это еще один шаг к достижению задач устойчивого развития. В настоящее время понятие «зеленый» широко используется во всех сферах жизни общества и государства, включая зеленое сельское хозяйство, зеленую промышленность, зеленое потребление, зеленый туризм, зеленый маркетинг, зеленое планирование и т.д. Зеленая экономика стала общемировой тенденцией благодаря растущей осведомленности граждан о современных проблемах охраны окружающей среды. Являясь новой моделью экономического развития, адаптируемой к охране окружающей среды и здоровья человека, «зеленая» экономика может способствовать развитию промышленности, изменению представлений о способах производства, образе жизни и потреблении.

В настоящий момент ни на международном, ни на национальном (русском) уровнях не сформулировано четких параметров «зеленой» экономики. При этом речь идет даже не столько о нормативных критериях, сколько об отсутствии четкой доктринальной концепции, разъясняющей критерии и индикаторы (как в случае с устойчивым развитием), наличие которых позволяет сделать вывод о наличии / отсутствии прогресса государства на этом пути.

При этом следует заметить, что переход на стандарты «зеленой» экономики не означает полного отказа от норм и институтов «коричневой» экономики. Речь не идет о полном отказе от сбросов и выбросов вредных веществ, или прекращении размещения отходов. Ее целью является уход от доминирования экономических целей и задач, то есть речь идет не об отказе от ГЭС и АЭС, а увеличении производства электроэнергии с помощью солнечных батарей, ветрогенераторов и иных источников возобновляемой энергии. Не отказ от традиционного сельского хозяйства с его технологиями и удобрениями (включая пестициды и агрохимикаты), а постепенное развитие органического земледелия. Не прекращение выброса парниковых газов, а сокращение их объема с постепенным развитием торговлей квотами на выброс парниковых газов.

Но как систематизировать все эти вполне очевидные представления, как разъяснить пути и способы достижения этих целей? Именно этому вопросу и будет посвящен настоящий номер нашего журнала, в котором принимают участие ведущие ученые-юристы страны, специализирующиеся на экологических, гражданских, административных, финансовых и иных аспектах проблемы. На мой взгляд, «зеленая экономика» – это новая экономико-правовая концепция, предполагающая использование не только правовых запретов и ограничений, но и экономических стимулов для повышения эффективности использования природных ресурсов, развития технологий, роста природоохранных инвестиций, что обеспечит снижение антропогенного давления на состояние российских экосистем и обеспечит рост благосостояния граждан.

Таким образом, цели «зеленой экономики» тесно связаны с целями и задачами устойчивого развития, сформулированными на конференциях ООН, и являются отражением перехода мировой экономики к новому технологическому укладу. Относительно соотношения концепций «зеленой экономики» и «устойчивого развития», замечу, что если

последнее предполагает тесную взаимосвязь трех подсистем – экономической, социальной и экологической, то концепция «зеленой экономики» означает следующий шаг в гармонизации и согласованности между этими компонентами, вполне реалистичный для РФ.

Объективными причинами перехода к «зеленой экономике» является неэффективное использование природных ресурсов, включая сжигание «попутного газа», неконтролируемая вырубка лесов, влекущая опустынивание, деградация сельскохозяйственных угодий, загрязнение экосистем нефтью, рост сбросов жидких отходов в водоемы (и рост площади полигонов твердых отходов), влекущие рост болезней и смертности населения, охота и рыболовство, превышающие способность фауны к самовосстановлению, увеличение в атмосфере парниковых газов, в результате которых происходит глобальное изменение климата. Именно поэтому среди целей «зеленой экономики» выделяется улучшение эффективности использования природных ресурсов, уменьшение объема выбросов, сбросов и производства отходов (что позволит приблизиться и к решению климатической проблемы, а также обеспечит сохранение особо ценных и уникальных экологических систем), повышение уровня жизни граждан (борьба с нищетой, безработицей, реализация социальных проектов). Отдельный вопрос состоит в том, что переходом к «зеленой экономике» не может заниматься орган власти, осуществляющий одновременно и регулирование использования природных ресурсов. Поэтому пора обсудить целесообразность разграничения в Российской Федерации природоохранных и природоресурсных функций Минприроды, с последующим формированием двух министерств, осуществляющих разный набор функций, что повысит эффективность охраны природы.

Сегодня многие развивающиеся страны обеспокоены возможным формированием «зеленого протекционизма», что поставит под вопрос возможность достижения целей «зеленой экономики». Это означает, что политика «зеленой экономики» может использоваться некоторыми странами для установления торговых предпочтений, например, в форме рекомендаций потребителям покупать местные товары, чтобы уменьшить выбросы транспорта. Однако эта политика может повлиять на некоторые развивающиеся страны, которым, возможно, потребуется доступ к этим рынкам для получения доступа к иностранной валюте. В целом, многие государства согласны с тем, что необходимы дальнейшие изменения для решения серьезных проблем, включая увеличение численности населения (ожидается, что к 2050 году оно превысит девять миллиардов человек) и сохраняющуюся угрозу окружающей среде, вызванную изменением климата. Будущее, которого мы хотим, требует разработки мер поддержки развивающихся стран со стороны ООН и иных международных организаций для оказания им помощи в переходе к стандартам зеленой экономики.

Эта помощь могла бы включать и механизм согласования зеленой политики как эффективного инструмента содействия устойчивому развитию.

Применительно к России следует заметить, что работа по переходу на новые «зеленые» стандарты уже идет: в ст. 17 Федерального закона от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» предусмотрен ряд мер по стимулированию перехода Российской Федерации к «зеленой экономике». В частности, речь здесь идет о предоставлении налоговых и иных льгот в случае внедрения хозяйствующим субъектом новых природоохранных технологий.

Представляется, что достижение целей и задач построения в России «зеленой экономики» возможно посредством принятия ряда нормативных актов, сочетающих как административные, так и экономические методы регулирования экологических отношений. В частности, потребуется корректировка полномочий органов государственной власти Российской Федерации и субъектов РФ, дальнейшее развитие экологического нормирования, учета и юридической ответственности, доступности экологической информации,

развитие системы экомаркировки и экосертификации, создание стимулов для внедрения экологических инноваций, «зеленых закупок» (равно как и увеличение платежей за эксплуатацию «экологически грязных» производств), поддержка экологического предпринимательства путем создания стимулов для роста производства экологических товаров и оказания экологических услуг, рост числа «зеленых рабочих мест».

Традиционно считается, что теория зеленой экономики предполагает невозможность требовать удовлетворения растущих потребностей при ограниченности ресурсов. Между тем, такая постановка вопроса означает требование снижения уровня жизни и сокращения благосостояния населения. Однако и гражданское общество, и правительства большинства стран мира не хотят этого. Поэтому представляется более обоснованным сформулировать этот принцип построения «зеленой экономики» несколько иначе – не снижение «растущих потребностей», а отказ от нерациональных моделей их удовлетворения. Например, в рамках концепции циркулярной экономики предлагается развитие ремонта и «второй жизни» различных вещей, отказ от погони за модными брендами, но вовсе не отказ от технического прогресса как такового.

Из этого следует, что цель зеленой экономики состоит в достижении гармонии между экономикой и окружающей средой, преобразовании технологий защиты окружающей среды, обеспечении экологической безопасности производственных процессов, использовании природоохранных производственных технологий, что позволит создать условия для обеспечения устойчивого развития государства посредством экономической деятельности, благоприятной для окружающей среды и бесконфликтной по отношению к ней.

Для повышения перспектив «зеленого роста» в России весьма целесообразным представляется подготовка специальной «Концепции перехода России к зеленой экономике». Такой опыт в нашей стране уже есть – в настоящий момент действуют как официально утвержденные концепции, так и предложенные юридическим сообществом. Представляется, что для успешного перехода России к «зеленой экономике» необходимо первоначально сформулировать понятие, структуру и основные направления такого перехода, что позволит разработать и поэтапный план принятия необходимых правовых актов.

Хотелось бы надеяться, что предлагаемый вниманию читателей настоящий номер журнала сможет внести свой существенный вклад в дело построения в России «зеленой» экономики, и окажет научно-методическую помощь разработчикам такой Концепции и проектов нормативно-правовых актов.

Главная тема журнала определена и проводится в рамках проекта «Волга – Каспий: Право и зеленая экономика» Программы развития Калмыцкого государственного университета им Б.Б. Городовикова на 2021- 2030 годы.

*Председатель редакционного совета
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки Республики Калмыкия
А.Я. Рыженков,*

*Главный редактор редакционной коллегии
кандидат юридических наук, доцент
Н.В. Цуглаева*

**MESSAGE FROM THE CHAIRMAN OF THE EDITORIAL BOARD,
EDITOR-IN-CHIEF OF THE EDITORIAL BOARD**

The main topic of this issue is the problem of Russia's transition to the standards of a "green" economy. This topic was chosen by us not by chance. Compared to the traditional ("brown") economic model, the "green" economy focuses on the harmonious development of industrial and other economic activities and environmental protection, reducing the risk of harm to human health and the environment. The goal of the "green" economy is to achieve harmony between the economy and the environment, the development of environmentally friendly (environmentally friendly) technologies, this is another step towards achieving the objectives of sustainable development. Currently, the concept of "green" is widely used in all spheres of society and the state, including green agriculture, green industry, green consumption, green tourism, green marketing, green planning, etc. The green economy has become a global trend due to the growing awareness of citizens about modern environmental issues. As a new model of economic development, adaptable to the protection of the environment and human health, the green economy can contribute to the development of industry, changing ideas about production methods, lifestyles and consumption.

At the moment, neither at the international nor at the national (Russian) levels, clear parameters of the "green" economy have been formulated. At the same time, we are talking not so much about normative criteria, but about the absence of a clear doctrinal concept that explains the criteria and indicators (as in the case of sustainable development), the presence of which allows us to conclude that there is / is no progress of the state on this way.

At the same time, it should be noted that the transition to the standards of the "green" economy does not mean a complete rejection of the norms and institutions of the "brown" economy. We are not talking about a complete rejection of discharges and emissions of harmful substances, or the termination of waste disposal. Its goal is to move away from the dominance of economic goals and objectives, that is, we are not talking about abandoning hydroelectric power plants and nuclear power plants, but increasing the production of electricity using solar panels, wind turbines and other sources of renewable energy. Not abandoning traditional agriculture with its technologies and fertilizers (including pesticides and agrochemicals), but the gradual development of organic farming. Not stopping the emission of greenhouse gases, but reducing their volume with the gradual development of trading in quotas for greenhouse gas emissions.

But how to systematize all these quite obvious ideas, how to explain the ways and means of achieving these goals? This issue will be devoted to this issue of our journal, which is attended by the leading legal scholars of the country, specializing in environmental, civil, administrative, financial and other aspects of the problem. In my opinion, the "green economy" is a new economic and legal concept that involves the use of not only legal prohibitions and restrictions, but also economic incentives to improve the efficiency of using natural resources, develop technologies, increase environmental investment, which will reduce anthropogenic pressure on the state of Russian ecosystems and will ensure the growth of the welfare of citizens.

Thus, the goals of the "green economy" are closely related to the goals and objectives of sustainable development formulated at the UN conferences, and are a reflection of the transition of the world economy to a new technological order. Regarding the relationship between the concepts of "green economy" and "sustainable development", I note that if the latter implies a close relationship between the three subsystems - economic, social and environmental, then the concept of "green economy" means the next step in harmonization and coherence between these components, it is quite realistic for RF.

The objective reasons for the transition to a "green economy" are the inefficient use of natural resources, including the burning of "associated gas", uncontrolled deforestation, resulting in desertification, degradation of agricultural land, oil pollution of ecosystems, an increase in liquid waste discharges into water bodies (and an increase in the area of landfills). new solid waste), leading to an increase in diseases and mortality of the population, hunting and fishing, exceeding the ability of the fauna to self-repair, an increase in greenhouse gases in the atmosphere, as a result of which global climate change occurs. That is why among the goals of the "green economy" is the improvement of the efficiency of the use of natural resources, the reduction of emissions, discharges and waste production (which will allow us to get closer to solving the climate problem, as well as ensure the preservation of especially valuable and unique ecological systems), improving the standard of living of citizens (fight against poverty, unemployment, implementation of social projects). A separate issue is that the transition to a "green economy" cannot be handled by an authority that simultaneously regulates the use of natural resources. Therefore, it is time to discuss the expediency of delimiting the nature protection and natural resource functions of the Ministry of Natural Resources in the Russian Federation, with the subsequent formation of two ministries that carry out a different set of functions, which will increase the effectiveness of nature protection.

Today, many developing countries are concerned about the possible formation of "green protectionism", which will call into question the possibility of achieving the goals of the "green economy". This means that green economy policies can be used by some countries to set trade preferences, for example in the form of recommending consumers to buy locally produced goods to reduce transport emissions. However, this policy may affect some developing countries that may need access to these markets in order to gain access to foreign exchange. In general, many states agree that further changes are needed to address serious challenges, including population growth (expected to exceed nine billion by 2050) and the continuing threat to the environment caused by climate change. The future we want requires the development of measures to support developing countries from the UN and other international organizations to assist them in the transition to green economy standards.

This assistance could also include a mechanism for harmonizing a green policy as an effective tool for promoting sustainable development. With regard to Russia, it should be noted that work on the transition to new "green" standards is already underway: in Art. 17 of the Federal Law of January 10, 2002 No. 7-FZ "On Environmental Protection" provides for a number of measures to stimulate the transition of the Russian Federation to a "green economy". In particular, we are talking here about the provision of tax and other benefits in the case of the introduction of new environmental technologies by an economic entity.

It seems that achieving the goals and objectives of building a "green economy" in Russia is possible through the adoption of a number of regulations that combine both administrative and economic methods of regulating environmental relations. In particular, it will be necessary to adjust the powers of state authorities of the Russian Federation and constituent entities of the Russian Federation, further develop environmental regulation, accounting and legal liability, access to environmental information, develop an eco-labeling and eco-certification system, create incentives for the introduction of environmental innovations, "green procurement" (as well as an increase in payments for the operation of "environmentally dirty" industries), support for environmental entrepreneurship by creating incentives for the growth of production of environmental goods and the provision of environmental services, and an increase in the number of "green jobs".

It is traditionally believed that the theory of the green economy implies the impossibility of demanding the satisfaction of growing needs with limited resources. Meanwhile, such a formulation of the question means the demand for a decrease in the standard of living and a reduction in the

well-being of the population. However, neither civil society nor governments in most countries of the world want this. Therefore, it seems more reasonable to formulate this principle of building a "green economy" in a slightly different way - not to reduce "growing needs", but to abandon irrational models for their satisfaction. For example, within the framework of the concept of a circular economy, it is proposed to develop the repair and "second life" of various things, the rejection of the pursuit of fashion brands, but not the rejection of technological progress as such.

It follows from this that the goal of the green economy is to achieve harmony between the economy and the environment, transform environmental protection technologies, ensure the environmental safety of production processes, use environmentally friendly production technologies, which will create conditions for ensuring the sustainable development of the state through economic activities that are environmentally friendly and non-conflict in relation to it.

To improve the prospects for "green growth" in Russia, it seems very appropriate to prepare a special "Concept for Russia's transition to a green economy." There is already such experience in our country - at the moment, both officially approved concepts and those proposed by the legal community are in force. It seems that for Russia's successful transition to a "green economy", it is necessary to first formulate the concept, structure and main directions of such a transition, which will also allow developing a phased plan for the adoption of the necessary legal acts.

I would like to hope that this issue of the journal, which is offered to the attention of readers, will be able to make a significant contribution to the building of a "green" economy in Russia, and will provide scientific and methodological assistance to the developers of such a Concept and draft regulatory legal acts.

The main topic of the journal is defined and carried out within the framework of the Volga-Caspian: Law and Green Economy project of the Development Program of Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov for 2021-2030.

Editorial Board Chairman

A.YA. Ryzhenkov,

Doctor of Law, Professor,

Honored Scientist of the Republic of Kalmykia

Chief Editor of the Editorial Board

N.V. Tsuglaeva,

Candidate of Law, Associate Professor

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 349.6
ББК 67.407

DOI: 10.53315/2949-1193-2022-1-1-19-26

Анисимов Алексей Павлович,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры конституционного и административного права
Волгоградского института управления –
филиала Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ
E-mail: anisimovap@mail.ru
Доржи-Горяева Эльза Владимировна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права и процесса
«Калмыцкий государственный университет
им. Б.Б. Городовикова»
E-mail: dgelza77@mail.ru

О ПОНЯТИИ И ТЕНДЕНЦИЯХ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ДОГОВОРОВ

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению одной из разновидностей межотраслевых договоров, заключаемых в сфере взаимодействия общества и природы. Аргументируется вывод о том, что данный вид договорных отношений регулируется нормами гражданского и экологического права. Это исследуется на примере специфики пяти видов экологических договоров (экологического страхования, экологического аудита, экологического туризма, договора об обращении с твердыми коммунальными отходами, договора об обращении углеродных единиц).

Ключевые слова: договор; частное право; публичное право; экологическое право; отходы.

UDC 349.6
БКК 67.407

DOI: 10.53315/2949-1193-2022-1-1-19-26

Anisimov Aleksey Pavlovich,
doctor of law, professor
of the Department of constitutional and administrative law
E-mail: anisimovap@mail.ru
Dorzhi-goryaeva Elza Vladimirovna,
candidate of law, associate professor of the
Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov,
Elista, Russia
E-mail: dgelza77@mail.ru

ON THE CONCEPT AND DEVELOPMENT TRENDS OF THE SYSTEM OF ENVIRONMENTAL CONTRACTS

Abstract. The article is devoted to the consideration of one of the varieties of intersectoral contracts concluded in the sphere of interaction between society and nature. The conclusion is argued that this type of contractual relations is regulated by the norms of civil and environmental law, which is investigated by the example of the specifics of five types of environmental contracts (environmental insurance, environmental audit, eco-tourism, solid municipal waste management contract, contract for the circulation of natural units).

Keywords: contract; private law; public law; environmental law; waste.

Усложнение общественных отношений в XXI веке привело к изменению договорных конструкций, направленных на правовое регулирование новых связей между гражданами и иными субъектами права. Данные тенденции и явления требуют доктринального осмысления, что уже проявилось в появлении самых разных концепций, включая теорию межотраслевых связей и теорию межотраслевого договора. Сторонником первой являлся М.Ю. Чельшев, который (с позиций науки гражданского права) предлагал понимать под межотраслевыми связями отношения взаимной зависимости, обусловленности и общности между различными правовыми отраслями, «системные связи многоуровневого характера между правовыми нормами разной правоотраслевой принадлежности, а применительно к гражданскому праву – нормами этой отрасли и других правовых образований» [Чельшев, 2009: 8]. Появление теории межотраслевого договора было обусловлено тем, что в реальной жизни с каждым годом увеличивается число договоров, выходящих за рамки собственно ГК РФ, содержание которых регламентируется не только нормами гражданского, но и нормами других отраслей права (семейного, земельного, экологического и др.). Гражданское право в этой ситуации остается фундаментом для этих новых правовых конструкций, однако их межотраслевая специфика требует обсуждения и изучения.

Как отмечает Н.Ф. Звенигородская, «не только праву гражданскому свойственны договорные связи, но и в других отраслях права используется конструкция договора. Договор (соглашение) в определенной отрасли права проявляет свой универсальный характер, являясь интегрированным понятием. Обосновав специфику договорных связей в семейном праве, мы пришли к выводу, что они оформляются с помощью своеобразных для семейного права, но привычных для гражданского права правовых конструкций, таких, как сделка, обязательство» [Звенигородская, 2010: 73]. Другие авторы указывают на то, что договор суррогатного материнства является договором особого рода, который требует своего правового закрепления в законодательстве РФ, и который нужно рассматривать как «межотраслевой и комплексный договор, содержащий условия как гражданско-правового, так и семейно-правового характера, правовое регулирование которых должно исходить, прежде всего, из норм гражданского права, норм семейного законодательства с использованием аналогии закона и аналогии права; смешанный договор, сочетающий в себе элементы поименованных в объективном праве и элементы непоименованных договоров» [Бабаева, 2015, 80]. По мнению Д.Р. Сафиуллиной, есть разные проявления межотраслевых связей договорного права, к ним отнесены: «1) использование конструкции договора в иных, помимо гражданского, отраслях права; 2) возникновение последствий исполнения гражданско-правовых договоров, подпадающих под регулирование норм иных, помимо гражданского, отраслей права; 3) трансформация договорного права под воздействием на него норм иных правовых образований, что проявляется как в формировании новых норм договорного права, так и в установлении нового порядка правореализации» [Сафиуллина, 2015: 9].

К числу межотраслевых договоров относят и договор о развитии застроенной территории, поскольку его заключение предусмотрено нормами не только гражданского, но также градостроительного и земельного законодательства; он «осложнен публичным элементом, поскольку при его заключении и исполнении публично-правовое образование наделяется обязанностями по совершению действий административно-правовой направленности» [Кузнецова, 2015: 28].

Одной из тенденций последних лет является развитие теории административных договоров в Российской Федерации, которые стали приобретать особую актуальность лишь в последние годы ввиду развития процессов преобразования отношений собственности, отмены плановой экономики и т.д. Таким образом, «административно-правовой

договор – это новое и еще недостаточно осмысленное явление, поскольку сама природа государственного управления предполагает императивность односторонних юридически-властных волеизъявлений, а договорные связи исходят из равенства их участников» [Козлова, 2015: 11].

Одним из видов межотраслевых договоров следует считать договоры в сфере охраны окружающей среды. Однако прежде чем приступить к рассмотрению их классификации и сферы действия, необходимо ответить на более рамочный вопрос, связанный с определением предмета экологического права как отрасли права. На этот счет среди ученых существует две различные точки зрения. Сторонники «экологического права в широком смысле» включают в его состав природоохранное и природоресурсное право [Никишин, 2001: 77-79].

Достоинством этой позиции является выявление взаимосвязей между использованием и охраной природных объектов (лесов, земель, животного мира и др.).

Недостатком этой концепции является неопределенность места в системе экологического права земельного, водного, горного, лесного, фаунистического и воздушного права. У разных представителей этой концепции данные правовые общности именуются подотраслями или институтами экологического права, что является (в обоих случаях) весьма дискуссионным, поскольку если, например, земельное право (водное, горное) – это подотрасли экологического права, то тогда в экологическом праве больше подотраслей, чем в гражданском праве, с чем трудно согласиться. Если земельное (водное, горное, лесное) право это институты, то их объем будет слишком велик для правового института.

Сторонники экологического права «в узком смысле» полагают, что экологическое (природоохранное) право – это самостоятельная отрасль права, находящаяся в сложной системе межотраслевых связей с природоресурсным правом, под которым предлагается понимать совокупность отдельных самостоятельных отраслей в системе российского права, находящихся на разных стадиях формирования и развития [Чаркин, 2012: 40].

Разделяя концепцию предмета экологического права «в узком смысле», мы хотим заметить, что в этом случае под экологическими договорами следует понимать договоры, направленные на выполнение природоохранных работ или оказание природоохранных услуг, никак не связанных с использованием природных ресурсов. Применительно к последним в научной литературе доказывалось, что договоры, опосредующие использование природных ресурсов (земель, лесов, недр) «являются уникальными видами договоров, не относящихся ни к гражданско-правовым, ни к административным договорам», и их следует именовать «природоресурсными» договорами [Колесникова, 2017: 152].

С последней точкой зрения можно согласиться частично, т.к. природоресурсные договоры обладают существенной спецификой, но едва ли целесообразно выделять их в отдельную родовую группу – более обоснованно их отнесение к категории межотраслевых договоров.

Формирование в системе российского права новой разновидности межотраслевых (экологических) договоров, в которых сочетаются как императивные, так и диспозитивные методы правового регулирования, говорит об усложнении правового воздействия на экологические общественные отношения, о наличии публичного интереса к созданию стимулов для субъектов хозяйственной деятельности к соблюдению экологических требований и ограничений. Появление таких договоров уже поставило вопрос о признании в структуре Общей части экологического права нового договорного правового института, представляющего собой систему правовых норм, направленных на регулирование специфических экологических договорных отношений, имеющих смешанный метод правового регулирования, целью и задачей которых является обеспечение государственного и общественного экологического интереса [Рудень, 2015: 6-7].

В настоящий момент устоявшихся доктринальных положений о системе экологических договоров в юридической науке не сложилось, однако уже сейчас на этот счет можно высказать два соображения рамочного характера:

1) к числу экологических договоров должны относиться договоры не только по оказанию экологических услуг, но и по выполнению природоохранных работ (производство экологически чистой сельскохозяйственной продукции, «зеленое строительство» (в том числе строительство экологически безопасных домов), проведение работ по рекультивации нарушенных земель и т.д.). В отношении экологических услуг не вызывает сомнений существование четырех их разновидностей: экологический аудит; экологическое страхование; экологический туризм; договор по обращению с твердыми коммунальными отходами. Отдельное место в системе экологических договоров занимает договор продажи углеродных единиц (сегодня он только начинает свое формирование).

2) вопрос о существовании межотраслевых экологических договоров тесно связан с проблемами правового регулирования экологического предпринимательства [Злобин, 2011: 10], которые выходят за рамки статьи. Однако следует заметить, что экологическое предпринимательство может включать в себя как деятельность, прямо связанную с выполнением работ или оказанием природоохранных услуг, так и научно-исследовательскую (опытно-конструкторскую) деятельность, которая направлена на создание, например, экологически чистых строительных материалов, или продукции с использованием нанотехнологий.

Исходя из этого, попробуем подробнее исследовать специфику пяти экологических договоров, имеющих существенную природоохранную специфику.

1) договор на оказание услуг по обращению с твердыми коммунальными отходами. Согласно ст. 24.7 Федерального закона от 24.06.1998 № 89-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «Об отходах производства и потребления», региональные операторы заключают договоры на оказание услуг по обращению с твердыми коммунальными отходами с собственниками таких отходов, причем договор на оказание услуг по обращению с твердыми коммунальными отходами является публичным для регионального оператора. Региональный оператор не вправе отказать в заключении данного договора собственнику образующихся твердых коммунальных отходов, места накопления которых находятся в зоне его деятельности. По договору на оказание услуг по обращению с твердыми коммунальными отходами региональный оператор обязуется принимать твердые коммунальные отходы в объеме и в местах (на площадках) накопления, которые определены в этом договоре, и обеспечивать их транспортирование, обработку, обезвреживание, захоронение в соответствии с законодательством, а собственник твердых коммунальных отходов обязуется оплачивать услуги регионального оператора по цене, определенной в пределах утвержденного в установленном порядке единого тарифа на услугу регионального оператора.

В настоящий момент существенными условиями договора на оказание услуг по сбору и транспортированию твердых коммунальных отходов (ТКО) являются: предмет договора; планируемый объем и (или) масса транспортируемых ТКО, их состав; периодичность и время вывоза ТКО; места приема и передачи ТКО, маршрут в соответствии со схемой обращения с отходами; предельно допустимое значение уплотнения ТКО; способ коммерческого учета количества ТКО; сроки и порядок оплаты услуг по договору; права и обязанности сторон по договору; порядок осуществления региональным оператором контроля деятельности оператора по обращению с ТКО, осуществляющего деятельность по сбору и транспортированию ТКО; ответственность сторон.

Как отмечает Е.В. Лунева, договор о размещении отходов относится к договорам оказания услуг, причем в нем «наряду с гражданско-правовыми условиями, предусматриваются условия, имеющие публично-правовые последствия для одной из сторон

двусторонней сделки. Особенности такой договорной конструкции связаны, прежде всего, с возможностью определять участника гражданского правоотношения, исполняющего эколого-правовую обязанность по внесению платы за негативное воздействие на окружающую среду» [Лунева, 2016: 87-88]. Поскольку при определении предмета данного договора к числу оказываемых услуг относится и сбор, и транспортировка, и захоронение твердых коммунальных отходов, в научной литературе предложено относить данные договоры к категории смешанных договоров [Шагидуллина, 2011: 41].

Таким образом, специфика данного договора заключается в том, что его регулирование осуществляется не только нормами гражданского права, но и нормами экологического права, уточняющими (конкретизирующими) требования к сторонам договора, его существенным условиям (в т.ч. расчету платы по договору) и т.д., что и позволяет отнести его к категории межотраслевых договоров. Данный договор является консенсуальным, взаимным, возмездным.

2) договор проведения экологического аудита. Российское экологическое законодательство понимает под экологическим аудитом независимую, комплексную, документированную оценку соблюдения юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем требований, в том числе нормативов и нормативных документов, федеральных норм и правил в области охраны окружающей среды, требований международных стандартов и подготовку рекомендаций по улучшению такой деятельности (ст. 1 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (ред. от 26.03.2022) «Об охране окружающей среды»).

В настоящее время в России обязательного экологического аудита нет, но иногда проводится добровольный экологический аудит. Добровольный экоаудит осуществляется по инициативе аудируемого лица. Его проведение связано, в основном, с требованиями иностранных инвесторов и банков при предоставлении инвестиций или кредитных средств на развитие производства или продвижения российской продукции на зарубежных рынках, которая должна быть сертифицирована по международным стандартам. Его предметом обычно выступает техническая, технологическая, инвестиционная и иная документация, хотя есть основания говорить и о необходимости включения в экоаудит проверки физического состояния очистных и иных эколого-сберегающих объектов, соблюдения экологических требований в ходе осуществления производственных процессов. Отдельный вопрос состоит в необходимости дальнейшего расширения предмета экологического аудита, что обусловлено новыми вызовами человечеству в эпоху глобализации, в том числе значительным расширением видов деятельности, связанных с выбросами в атмосферу парниковых газов.

Существенные условия договора экологического аудита законом не определены, но, кроме предмета договора, к ним следовало бы отнести цену и срок.

3) договор о реализации экотуристского продукта. Экологический туризм – «это преимущественно эколого-предпринимательская деятельность, направленная на ознакомление граждан с природными достопримечательностями в границах особо охраняемых природных территорий или вне таковых в целях реализации экономических, социальных, образовательных и иных общепольных целей при участии местного населения и гарантиях прав коренных малочисленных народов» [Рыженков, 2014: 261]. Данный договор является разновидностью договора о реализации туристского продукта, который, в свою очередь, является разновидностью гражданского договора возмездного оказания услуг. Об экологической специфике договора о реализации туристского продукта можно говорить применительно как к территориям с общим эколого-правовым режимом, так и к туристическим турам, проводимым на особо охраняемых природных территориях (ООПТ), попадающих

под действие Федерального закона от 14 марта 1995 г. № 33-ФЗ (ред. 01.05.2022) «Об особо охраняемых природных территориях». В настоящий момент в границах всех категорий ООПТ, включая государственные заповедники, допускается организация познавательного экологического туризма, однако в границах ООПТ на туристов и организаторов туров возлагаются дополнительные запреты и ограничения, например, связанные с запретом свободного перемещения в границах ООПТ вне специально выделенных экологических троп, временем пребывания, правилами поведения и т.д., чего нет на всех остальных туристских маршрутах.

4) договор экологического страхования. Экологическое страхование является одним из элементов экономического регулирования охраны окружающей среды, а также важной гарантией достижения целей устойчивого развития. Несмотря на то, что ГК РФ достаточно подробно регламентирует договор страхования, применительно к специальному виду страхования (экологическому страхованию) в правовом регулировании имеется большое количество пробелов. Действительно, ст. 18 Федерального закона «Об охране окружающей среды» упоминает возможность заключения такого договора (а в научной доктрине даже обсуждают особенности обязательного и добровольного экологического страхования), однако в реальной действительности данный вид страхования используется мало.

Большее развитие получили смежные сферы страхования – страхование гражданско-правовой ответственности за вред, причиненный опасным производственным объектом или гидротехническим сооружением. Для того, чтобы данная мера наконец заработала, необходимо отразить специфику экологического страхования как разновидности гражданско-правового договора страхования в специальном федеральном законе «Об экологическом страховании».

Попытки разработать такой закон неоднократно предпринимались в России ранее, но были неудачны. Однако это не должно стать причиной для того, чтобы не попытаться еще раз. Неизбежность этого пути заключается в том, что ст. 18 Федерального закона «Об охране окружающей среды» не прописывает никакого порядка организации экологического страхования. Именно поэтому в научной литературе отмечается, что для осуществления экологического страхования сейчас нет правовой базы [Тулупов, 2013: 44]. Принятие Федерального закона «Об экологическом страховании» смогло бы восполнить этот пробел, определить субъекты и объекты экологического страхования, перечень страховых случаев, минимальный размер страховой суммы, порядок определения страхового тарифа, срок и порядок уплаты страховой премии (страховых взносов), срок действия договора страхования, контроль за осуществлением страхования, последствия неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательств и т.д. Кроме того, потребуется внесение изменений в ГК РФ в части прямого закрепления экологического страхования как специального вида страхования, а также в Федеральный закон «Об охране окружающей среды», в котором вместо одной статьи (как сейчас) должна появиться отдельная глава. Вместе с тем представляется, что простого перечисления существенных условий договора или порядка расчета страховых премий будет недостаточно – хозяйствующие субъекты должны быть заинтересованы в заключении таких договоров, а для этого необходимо продумать многоуровневую систему стимулов для них.

5) договор продажи квот на выброс парниковых газов. Федеральный закон от 02.07.2021 № 296-ФЗ «Об ограничении выбросов парниковых газов» предусматривает «обращение углеродных единиц», что фиксируется в реестре углеродных единиц. Такое «обращение» можно рассматривать как аналог международной купли-продажи квот на выброс парниковых газов, предусмотренных еще Киотским протоколом и сохраняющихся до сих пор. Традиционно в науке гражданского права договор купли-продажи относится к категории договоров о передаче имущества в собственность (в отличие от четырех

вышеупомянутых разновидностей договора возмездного оказания услуг), однако в данном случае формирующийся договор имеет весьма отдаленное отношение к гражданскому праву, обладая существенной эколого-правовой спецификой. Это проявляется, в частности, в том, что ГК РФ не знает такого объекта гражданских прав, как углеродная единица, и не предусматривает особенностей ее купли-продажи.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что наряду с «классическими» отраслевыми договорами, регламентируемыми нормами гражданского права, в российском праве формируется конструкция межотраслевого договора, регулируемого нормами различной отраслевой принадлежности, в том числе нормами гражданского и экологического права. Нормы последнего могут устанавливать дополнительные требования к сторонам договора, существенным условиям, ответственности и т.д., что позволяет говорить об имеющейся тенденции к усложнению договорного регулирования.

Библиографический список

Бабаева А.А. Правовая природа договора суррогатного материнства // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2015. № 2. С. 77-81.

Звенигородская Н.Ф. Проблема правовой природы договоров в семейном праве в свете межотраслевых связей гражданского и семейного права // Вектор науки ТГУ. 2010. № 2. С. 72-75.

Злобин С.В. Правовое регулирование экологического предпринимательства: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2011. 199 с.

Козлова Е.Б. Договор как межотраслевая категория // Правовая информатика. 2015. № 3. С. 10-18.

Колесникова К.В. О правовой природе договоров в сфере использования природных ресурсов // Гуманитарные и юридические исследования. 2017. № 3. С. 148-152.

Кузнецова Н.В. Договор о развитии застроенной территории: правовая природа и существенные условия // Аграрное и земельное право. 2015. № 6. С. 25-31.

Лунева Е.В. Место договора о конечном размещении отходов в системе гражданско-правовых договоров // Систематика договоров в гражданском праве: Сборник тезисов Всероссийской научно-практической конференции (9 октября 2015 г.). Самара: Самарская гуманитарная академия, 2016. С.84-90.

Никишин В.В. Нормативно-правовое обеспечение охраны окружающей среды в регионе (на примере Республики Мордовия) // Журнал российского права. 2001. № 7. С.77-79.

Рудень Е.В. Правовое регулирование экологических договорных отношений в Украине: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Киев, 2015. 20 с.

Рыженков А.Я. Правовое регулирование развития экологического туризма в России: проблемы и перспективы // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 4. С.59-264.

Сафиуллина Д.Р. Межотраслевые связи договорного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2015. 25 с.

Тулупов А.С. Экономические аспекты добровольного и обязательного экологического страхования // Экономика и математические методы. 2013. Том 49. № 2. С.44-53.

Чаркин С.А. Земельные правоотношения как межотраслевая правовая категория: монография. М.: Издательство Юрайт, 2012. 237 с.

Чельшев М.Ю. Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2009. 42 с.

Шагидуллина А.Р. Гражданско-правовые договоры в сфере обращения с отходами // Георесурсы. 2011. № 5. С. 40-43.

Иншакова Агнесса Олеговна,
профессор, доктор юридических наук, зав. кафедрой
гражданского и международного частного права
Волгоградского государственного университета
E-mail: ainshakova@list.ru

Понька Виктор Федорович,
начальник управления правового обеспечения
деятельности Российской академии наук,
доктор юридических наук
E-mail: Ponka@pran.ru

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО АУДИТА В КОНТЕКСТЕ ЗАДАЧ ПЕРЕХОДА РОССИИ К «ЗЕЛеноЙ» ЭКОНОМИКЕ¹

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы теории и практики экологического аудита, под которым понимается независимая, систематическая и комплексная документированная проверка соблюдения юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями национальных и международных экологических требований, а также подготовка рекомендаций по снижению негативного воздействия осуществляемой ими деятельности на окружающую среду. В настоящий момент главным препятствием развития экоаудита является отсутствие надлежащей правовой базы для его осуществления, в том числе стимулов для хозяйствующих субъектов, которые захотят его провести. Экологический аудит следует четко отграничивать от смежных видов природоохранной деятельности (экологическая экспертиза, экологический надзор), хотя у них есть отдельные схожие черты. Существует несколько предложений о способах правового регулирования данных отношений: принятие специального федерального закона, внесение изменений в федеральный закон «Об охране окружающей среды» или внесение дополнений в федеральный закон «Об аудиторской деятельности». Учитывая опыт зарубежных стран, наиболее целесообразным представляется регламентация экологического аудита в федеральном законе «Об охране окружающей среды»

Ключевые слова: аудит, надзор, требования, предприниматели, экономика, право, экология, страхование, природный ресурс, услуги.

¹Статья выполнена в рамках проекта «Волга – Каспий: Право и зеленая экономика» Программы развития Калмыцкого государственного университета им Б.Б. Городовикова на 2021-2030 годы.

Inshakova Agnes Olegovna,

Doctor of Law, Professor Volgograd State University

Department of Civil and International Private Law

E-mail: ainshakova@list.ru

Ponka Victor Fedorovich,

Head of the Legal Support Department

activities of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law

E-mail: Ponka@pran.ru

LEGAL REGULATION OF ENVIRONMENTAL AUDIT IN THE CONTEXT OF THE TASKS OF RUSSIA'S TRANSITION TO A «GREEN» ECONOMY¹

Abstract. The article discusses the problems of the theory and practice of environmental audit, which is understood as an independent, systematic and comprehensive documented verification of compliance by legal entities and individual entrepreneurs with national and international environmental requirements, as well as the preparation of recommendations to reduce the negative impact of their activities on the environment. At the moment, the main obstacle to the development of ecoaudit is the lack of an appropriate legal framework for its implementation, including incentives for economic entities that want to conduct it. Environmental audit should be clearly distinguished from related types of environmental activities (environmental expertise, environmental supervision), although they have some similarities. There are several proposals on ways of legal regulation of these relations: the adoption of a special federal law, amendments to the federal law “On Environmental Protection” or amendments to the federal law “On Auditing”. Taking into account the experience of foreign countries, the regulation of environmental audit in the federal law “On Environmental Protection” seems to be the most appropriate

Keywords: audit, supervision, requirements, entrepreneurs, economics, law, ecology, insurance, natural resource, services.

¹Статья выполнена в рамках проекта «Волга – Каспий: Право и зеленая экономика» Программы развития Калмыцкого государственного университета им Б.Б. Городовикова на 2021-2030 годы.

Переход на стандарты «зеленой» экономики является одним из приоритетов Российской Федерации. Традиционно под «зеленой» экономикой понимается модель экономического развития, предполагающая бережное отношение человека к природным ресурсам. В свою очередь, это означает развитие системы малоотходных и безотходных технологий, увеличение роли возобновляемых источников энергии, развитие «зеленых» инвестиций и органического сельского хозяйства, повышение налоговой нагрузки на «экологически грязные» производства и т.д. Достижение этих целей предполагает развитие экологического предпринимательства, осуществляющего производство экологически чистых товаров и услуг. В свою очередь, в секторе услуг наряду с экологическим страхованием или экологическим туризмом большое значение придается развитию экологического аудита. Впервые экологический аудит был применен в 70-х гг. XX в. в США, что было обусловлено появлением новых природоохранных требований и ужесточением ответственности за нарушение экологического законодательства. Предприятиям США «не оставалась другого выбора, как прибегнуть к новому методу контроля – экологическому аудиту. В результате появилась концепция экологического аудита, которая первоначально подразумевала соблюдение экологического законодательства, а впоследствии актуальность ее выросла и выполнялась все большим числом субъектов, особенно в развитых странах» [Гусева, 2019: 420]. В России необходимость создания системы экологического аудита прямо предусмотрена Указом Президента РФ от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года».

В ст.1 Федерального закона «Об охране окружающей среды» от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (в ред. от 26.03.2022) под экологическим аудитом понимается «независимая, комплексная, документированная оценка соблюдения юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем требований, в том числе нормативов и нормативных документов, федеральных норм и правил, в области охраны окружающей среды, требований международных стандартов и подготовка рекомендаций по улучшению такой деятельности». Между тем, основания и порядок проведения экологического аудита никак не регламентируются. Общие правила проведения аудиторской деятельности урегулированы Федеральным законом от 30.12.2008 № 307-ФЗ (ред. от 08.06.2020) «Об аудиторской деятельности», однако он не содержит правил осуществления специального (экологического) аудита. Все это говорит о недостатках юридической техники и требует выработки предложений по совершенствованию российского экологического законодательства. О необходимости такой меры говорит и тот факт, что экологический аудит постоянного попадает в поле зрения российских судов, которые вынуждены принимать решения в условиях пробелов в праве.

Так, прокурор Шацкого района обратился в суд с иском к П., указав, что в результате проверки было установлено, что индивидуальный предприниматель П. эксплуатирует деревообрабатывающее предприятие (цех) с грубыми нарушениями природоохранного законодательства, без положительного заключения государственной экологической экспертизы. В этой связи прокурор просил суд обязать П. приостановить работу деревообрабатывающего предприятия (цеха).

Рассмотрев дело, суд указал, что государственная экологическая экспертиза должна быть проведена до принятия решения об эксплуатации объекта, а поскольку в настоящее время деревообрабатывающее предприятие (цех) уже эксплуатируется, то необходимо оценить его воздействие на окружающую среду путем проведения экологического аудита. Отказ от проведения экологической экспертизы и экологического аудита нарушает гарантированные ст. 42 Конституции РФ и ст. 11 Закона РФ «Об охране окружающей среды» права жителей Шацкого района на охрану здоровья от неблагоприятного воздействия

окружающей среды, вызванного хозяйственной деятельностью деревообрабатывающего предприятия. Ответчик П. иск признал и пояснил, что он подготовил документы для проведения экологического аудирования деревообрабатывающего цеха, с целью соответствия деятельности данного предприятия требованиям природоохранного законодательства, которые будут направлены в экологическую аудиторскую палату Рязанской области. В итоге суд обязал П. приостановить работу деревообрабатывающего предприятия (цеха), расположенного в с. Казачий Дюк Шацкого района Рязанской области, до положительного решения экологического аудита.¹

Примечательно, что ни в момент рассмотрения дела, ни сегодня обязательность и юридическая сила заключения экологического аудита не прописана в законодательстве. Более обоснованной является довольно распространенная практика представления в суд заключения экологического аудита (наряду с другими документами) для признания (легализации) самовольной постройки (здания),² а также направление в суд заключения экоаудита о соблюдении норм экологического права в ходе проведения строительства, например, набережной.³

Наряду с этим, в научной литературе приводятся отдельные (но весьма немногочисленные) примеры успешного проведения экологического аудита. Так, «аудиторская консалтинговая фирма «ADames & Moore Group Company» выполнила экологический аудит для Московского автомобильного завода им. Ленинского комсомола в связи с подготовкой совместного инвестиционного проекта с французской фирмой «Рено», а также провела экологическую проверку Оскольского электрометаллургического комбината в Белгородской области» [Филонова, 2013: 66-73]. Указанные примеры говорят о востребованности экологического аудита в деле охраны окружающей среды, однако он не может быть реализован в полную силу ввиду отсутствия надлежащего правового регулирования.

Однако прежде чем мы начнем обсуждение конкретных нормативных формулировок, будет целесообразно выяснить место экологического аудита в механизме охраны окружающей среды. Представляется, что экологический аудит следует отличать, как от экологической экспертизы, так и от государственного экологического надзора. От государственной экологической экспертизы экоаудит отличается, во-первых, тем, что экспертиза является обязательной и ее проводит орган государственной власти, в то время как обязательный экологический аудит нормативно не закреплен, а добровольный экологический аудит проводит негосударственный субъект (СРО). Соответственно, отличается юридическая сила принимаемых документов. Во-вторых, экспертиза проводится до начала хозяйственной деятельности, а экологический аудит после начала. Сходство между ними в том, что в обоих случаях происходит проверка документации на предмет соответствия природоохранным требованиям [Гогаева, 2010: 79-87].

Более сложным будет определить соотношение экологического аудита и государственного экологического надзора (или производственного контроля). Как отмечали А.П. Анисимов и Д.А. Абезин, кроме проверки природоохранной документации, в экологический аудит целесообразно включить проверку физического состояния очистных сооружений, а также соблюдение экологических требований в ходе осуществления производственных процессов [Анисимов, Абезин, 2019: 30]. Между тем, такой вывод представляется дискуссионным, поскольку указанные проверки осуществляются в ходе

¹Решение Шацкого районного суда Рязанской области от 14 ноября 2006 года // СПС «Консультант плюс», дата обращения 03.09.2022.

²Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 14 июля 2015 г. по делу № А19-2338/2014 // СПС «Консультант плюс», дата обращения 03.09.2022.

³Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 16 декабря 2008 г. № КА-А41/11821-08 // СПС «Консультант плюс», дата обращения 03.09.2022.

проведения государственного экологического надзора (или производственного экологического контроля) и выходят за рамки «классического» понимания целей и задач аудиторской деятельности. Подобное расширение сферы экоаудита может привести к «стиранию граней» между ним и контрольно-надзорной деятельностью. На это обстоятельство обращал внимание ряд ученых, предлагавших различать обязательный экологический аудит и государственный экологический надзор: в первом случае должны быть выработаны конкретные рекомендации по оптимизации деятельности хозяйствующего субъекта в отношении воздействия на окружающую среду, во втором же просто констатируются факты соблюдения тем или иным предприятием экологического и природоресурсного законодательства и, в зависимости от результата, применяются (или не применяются) соответствующие меры административного воздействия [Егиазаров, Кичигин, 2011: 11-18]. Соответственно, мы можем говорить об отсутствии у экологических аудиторов (в случае добровольного аудита) каких-либо властных полномочий [Пономарев, 2019: 129] и о наличии обязанности выдать рекомендации по улучшению текущей хозяйственной деятельности, создающей угрозу экологии [Дудиков, 2015: 314].

Исходя из вышеизложенного, возникает вопрос о том, какова же должна быть сфера действия экологического аудита, и каким образом следует регламентировать порядок его проведения. Представляется, что экологический аудит не должен проводить проверку очистных сооружений или иных производственных процессов и механизмов – для этого существует государственный экологический надзор и производственный контроль. Речь в случае экоаудита должна идти о проверках документации (технической, технологической, эксплуатационной, инвестиционной и т.д.) на предмет ее соответствия экологическому законодательству, а также об оценке угроз причинения вреда окружающей среде (в том числе угроз техногенных аварий и катастроф). Экологический аудит должен быть как добровольным, так и обязательным, при этом следует нормативно закрепить исчерпывающий перечень случаев обязательного экоаудита. Последнее предложение обусловлено тем, что Конституционный Суд РФ еще в 2003 г. указывал на публично-правовой характер обязательной аудиторской проверки, т.к. хотя ее и проводит частное юридическое лицо в рамках ведения предпринимательской деятельности, оно выполняет при этом публичную функцию.¹

Представляется, что экологический аудит может проводиться в случаях экологического страхования, приватизации государственных или муниципальных предприятий, национализации, банкротства (в случаях, когда предприятие осуществляет негативное воздействие на окружающую среду), для оценки состояния определенных территорий (особо охраняемых природных территорий, зон экологического бедствия, санитарно-защитных зон и т.д.), в сфере градостроительной деятельности (особенно при признании самовольной постройки), при осуществлении недропользования (в том числе при подготовке соглашений о разделе продукции), при подготовке инвестиционных проектов или программ, оценке накопленного экологического вреда (в том числе размера затрат на восстановление надлежащего качества окружающей среды) и т.д. Но даже в случае принятия соответствующих правовых норм, все равно останется ряд препятствий развития экологического аудита – его высокая стоимость, проблема конфиденциальности информации, риск ответственности по итогам экоаудита.

В течение последних лет неоднократно предпринимались попытки принять федеральный закон об экологическом аудите, но все они были безрезультатны, поскольку

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 01.04.2003 № 4-П «По делу о проверке конституционности положения пункта 2 статьи 7 Федерального закона «Об аудиторской деятельности» в связи с жалобой гражданки И.В. Выставкиной» // СПС «Консультант плюс», дата обращения 04.09.2022.

бизнес не заинтересован в появлении новых обязанностей по проведению обязательного экологического аудита, что повлечет увеличение расходов.

В этой ситуации было бы целесообразно урегулировать преимущественно процедуры проведения добровольного экологического аудита, а применительно к обязательному экологическому аудиту первоначально указать лишь небольшой круг оснований (например, при приватизации или банкротстве). В идеале в будущем сферу обязательного экологического аудита можно будет расширить вплоть до его проведения на объектах I и II класса опасности. Однако последняя мера возможна только в контексте мер государственной поддержки (налоговых льгот, кредитов) для собственников таких производственных объектов.

Говоря о необходимости внедрения в российскую практику природоохранной деятельности экологического аудита, целесообразно посмотреть на зарубежный опыт правового регулирования данной деятельности, поскольку многие нормативные разработки близких нам по духу правовых систем стран постсоветского пространства могут быть весьма полезны российскому законодателю.

В Республике Беларусь отдельные особенности проведения экологического аудита регламентированы Законом Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-XII (ред. от 4 января 2022 г.) «Об охране окружающей среды».

В данном законе для нас представляют интерес следующие нормы:

1) в нем дается определение экологического аудита: это «независимая комплексная документированная проверка соблюдения юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, осуществляющими хозяйственную и иную деятельность, требований в области охраны окружающей среды и подготовка рекомендаций по снижению (предотвращению) вредного воздействия такой деятельности на окружающую среду». Данное определение, хотя и не совпадает дословно с закрепленным в российском законе, весьма сильно на него похоже.

2) в отличие от российского Закона № 7-ФЗ, ограничившегося лишь определением экологического аудита, белорусский законодатель в ст.9 своего закона определяет полномочия Совета Министров Республики Беларусь, среди которых названо и установление порядка проведения экологического аудита.

3) законодатель Республики Беларусь в ст.38 предусматривает, что при ликвидации юридического лица или прекращении деятельности индивидуального предпринимателя, в том числе вследствие признания их экономически несостоятельными (банкротами), осуществляющих деятельность, связанную с вредным воздействием на окружающую среду, в обязательном порядке проводятся экологический аудит и оценка вреда, причиненного окружающей среде в результате деятельности таких юридического лица или индивидуального предпринимателя.

4) весьма интересно указание ст.74 Закона на перечень источников экологической информации, в т.ч. полученной при проведении экологического аудита.

5) отдельная статья 97 Закона РБ посвящена непосредственному регулированию оснований и порядка проведения экологического аудита. Отмечается, что экологический аудит проводится в целях обеспечения экологической безопасности, определения путей и способов уменьшения риска вредного воздействия на окружающую среду хозяйственной и иной деятельности путем независимой проверки такой деятельности на соответствие требованиям в области охраны окружающей среды. Экологический аудит проводится юридическими лицами или индивидуальными предпринимателями в порядке, установленном Советом Министров РБ. Лица, проводящие эоаудит, могут оказывать услуги в

выработке решений по повышению экологической безопасности производства на проверяемых объектах. Экологический аудит хозяйственной и иной деятельности юридических лиц или индивидуальных предпринимателей может проводиться в добровольном или обязательном порядке за счет их собственных средств. При приватизации предприятий как имущественных комплексов государственных унитарных предприятий и в иных случаях проводится обязательный экоаудит.

В Таджикистане действует Закон Республики Таджикистан «Об охране окружающей среды» от 2 августа 2011 г. № 760 (ред. от 08.06.2022). Как и в Республике Беларусь, законодатель Таджикистана предлагает определение экологического аудита, понимая под ним вид деятельности, заключающийся в анализе соответствия деятельности и отчетности хозяйствующего субъекта действующему законодательству, нормативно-методическим, инструктивным и регламентирующим документам в области охраны окружающей среды и природных ресурсов. Данное определение сконструировано в целом похожим образом, как и в России или в Республике Беларусь. Однако наибольший интерес представляет глава 14 Закона, которая называется «Экологический аудит и особенности его проведения». Как следует из двух статей (73,74) этой главы, экологический аудит проводится независимыми аудиторами и аудиторскими организациями в форме инициативного или обязательного экологического аудита в порядке, установленном законодательством Таджикистана, на основе договора с заказчиком. Организация экологического аудита, условия и порядок его проведения, квалификационные требования к аудиторам и порядок их аттестации, а также права и обязанности экологических аудиторов и аудиторских организаций определяются Законом Таджикистана «Об экологическом аудите» и другими правовыми актами.

В Республике Туркменистан действует Закон Туркменистана «Об охране природы» от 1 марта 2014 г. № 40-V (ред. от 20.03.2017). В данном законе мы встречаем близкое нам по духу определение экологического аудита, под которым понимается «независимая оценка соблюдения субъектом хозяйственной и иной деятельности требований нормативных правовых актов Туркменистана в области охраны природы и подготовка рекомендаций в области экологической деятельности». Как и в Республике Беларусь, законодатель Туркменистана уделяет особое внимание вопросам управления в сфере экологического аудита, и устанавливает в ст.6 в числе полномочий Кабинета Министров Туркменистана в области охраны природы проведение экологического аудита.

Далее в ст.7 определена компетенция уполномоченного органа государственного управления в области охраны природы. В частности, он принимает решения о проведении обязательного экологического аудита. Более того, в ст.52 Закона уточняется, что должностные лица данного органа имеют право вносить предложения о проведении государственной экологической экспертизы, экологического аудита и проверять выполнение их заключений. Наряду с базовым экологическим законом в этой стране принят Закон Туркменистана от 2 марта 2019 г. «Об экологическом аудите», в котором указаны объекты, субъекты, финансирование экологического аудита, государственное регулирование, права и обязанности субъектов экологического аудита, квалификационные требования и т.д.

Специальный закон об экологическом аудите принят и на Украине (Закон Украины от 24 июня 2004 г. № 1862-IV «Об экологическом аудите»). Согласно ст.1 Закона экологический аудит – это документально оформленный системный независимый процесс оценки объекта экологического аудита, включающий сбор и объективную оценку доказательств для установления соответствия определенных видов деятельности, мер, условий, системы экологического управления и информации по этим вопросам требованиям законодательства Украины об охране окружающей среды и другим критериям экологического аудита.

Объектами экологического аудита являются: предприятия, учреждения и организации, их филиалы и представительства либо объединения, отдельные производства, другие хозяйственные объекты; системы экологического управления и т.д.

В Республике Казахстан действует Экологический кодекс РК от 2 января 2021 г. № 400-VI ЗРК. Определения и порядка проведения эоаудита он не содержит, однако в ст.113 отмечается, что первым этапом разработки и (или) пересмотра справочников по наилучшим доступным техникам является проведение *комплексного технологического аудита*, правила проведения которого включаются в правила разработки, применения, мониторинга и пересмотра справочников по наилучшим доступным техникам. Данный аудит представляет собой процесс экспертной оценки применяемых на предприятиях техник (технологий, способов, методов, процессов, практики, подходов и решений), направленных на предотвращение и (или) минимизацию негативного антропогенного воздействия на окружающую среду, в том числе путем сбора соответствующих сведений и (или) посещений объектов, подпадающих под области применения наилучших доступных техник. Указанный аудит и мониторинг внедренных наилучших доступных техник на предмет результативности и актуальности проводятся организацией, осуществляющей функции Бюро по наилучшим доступным техникам.

Из проведенного небольшого обзора следует вывод о том, что в законах ряда республик бывшего СССР регламентируется не только определение экологического аудита, но и закрепляются полномочия органов государственного экологического управления по его лицензированию, порядку проведения, выделены специальные статьи (или главы) в базовых природоохранных законах, посвященные экологическому аудиту, определяются основания и порядок проведения добровольного и обязательного экологического аудита, его субъекты и объекты.

Все эти существующие законодательные решения могут быть интересны и для нашей страны. При этом представляется, что нет необходимости в разработке специального федерального закона «Об экологическом аудите», как это предлагают некоторые авторы [Злобин, 2011: 8-10]. Думается, что для его надлежащего правового регулирования необходимо, в первую очередь, внесение изменений в Федеральный закон «Об охране окружающей среды», определив в нем как полномочия органов экологического управления, так и основания, цели, задачи, объекты экологического аудита, правовой статус его субъектов. В такой специальной статье (главе) закона также следует указать случаи обязательного проведения экологического аудита, статус его заключения, правовые гарантии качества таких услуг, а в КоАП РФ – меры ответственности аудиторов или аудиторских организаций. В научной литературе предлагается и другой вариант – о внесении изменений в Федеральный закон «Об аудиторской деятельности» с выделением там общей части, содержащей базовые предписания для всех видов аудиторской деятельности, а также специальных частей, касающихся финансового и экологического аудита [Валентик, Юсипова, 2021: 18-22]. Однако против такого подхода говорит тот факт, что Министерство финансов РФ в письме от 20 августа 2002 г. № 04-02-06/2/65 указало, что экологический аудит не включается в понятие «аудиторская деятельность» в соответствии с Федеральным законом «Об аудиторской деятельности». Следовательно, эоаудит и финансовый аудит – это разные правовые институты, имеющие разные цели, объекты, порядок осуществления, требования к аудиторам и т.д. [Кванина, 2020: 36]. Аргументом против принятия специального закона об аудите может служить и тот факт, что в течение последних двадцати лет все такие попытки были безуспешными.

Таким образом, экологический аудит – это независимая, систематическая и комплексная документированная проверка соблюдения юридическими лицами и индивидуальными

предпринимателями национальных и международных экологических требований, а также подготовка рекомендаций по снижению негативного воздействия осуществляемой ими деятельности на окружающую среду.

В настоящий момент главным препятствием развития эоаудита в России является не недостаток финансирования, а отсутствие надлежащей правовой базы его проведения, включая стимулы для хозяйствующих субъектов, которые решат его осуществить. Экологический аудит следует четко отграничивать от смежных видов природоохранной деятельности (экологическая экспертиза, экологический надзор), хотя у них и имеются отдельные схожие черты. Существует несколько предложений о способе правового регулирования данных отношений: принятие специального федерального закона, внесение изменений в федеральный закон «Об охране окружающей среды» или внесение дополнений в федеральный закон «Об аудиторской деятельности». Учитывая опыт ряда зарубежных стран, наиболее целесообразным представляется регламентация экологического аудита в федеральном законе «Об охране окружающей среды». В результате таких изменений, в первую очередь, необходимо урегулировать порядок проведения добровольного экологического аудита. Обязательный эоаудит должен осуществляться первоначально по очень небольшому кругу оснований, например, при банкротстве или приватизации отдельных видов предприятий.

Устранение существующих правовых пробелов позволит создать дополнительные гарантии реализации права граждан на благоприятную окружающую среду, а также станет шагом в построении в России «зеленой» экономики.

Библиографический список

Анисимов А.П., Абезин Д.А. Понятие и виды экологического предпринимательства в России // Право и бизнес: правовое пространство для развития бизнеса в России: монография: в 4 т. Том 2 / отв. ред. С.Д. Могилевский и др. М.: Проспект, 2020. С.22-35.

Валентик М.С., Юсипова И.В. Актуальные проблемы правового регулирования экологического аудита // Экологическое право. 2021. № 2. С. 18-22.

Гусева М.В. Экологический аудит как инструмент минимизации негативного воздействия на окружающую среду // Молодежь, наука, творчество – 2019: материалы XVII межвузовской научно-практической конференции студентов и аспирантов / отв. ред. А.С. Польшинский. Омск, 2019. С.418-422.

Дудиков М.В. Правовое обеспечение публичных интересов в горном праве: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. 494 с.

Егиазаров В.А., Кичигин Н.В. Экологический аудит: перспективы законодательного регулирования // Журнал российского права. 2011. № 4. С.11-18.

Злобин С.В. Правовое регулирование экологического предпринимательства в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2011. 28 с.

Кванина В.В. Экологический аудит: анализ, проблемы и перспективы // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2020. Т. 20. № 1. С.33-45.

Пономарев М.В. Правовое регулирование охраны окружающей среды при обращении с отходами производства и потребления: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 215 с.

Филонова О.В., Черкашина Е.Г. Нормативно-правовое обеспечение предпринимательской деятельности, осуществляемой в целях охраны окружающей среды: проблемы и перспективы // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 60. С.66-73.

*Рыженков Анатолий Яковлевич,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры гражданского права и процесса
«Калмыцкий государственный университет
им. Б.Б. Городовикова»
E-mail: 4077778@list.ru*

*Казаченок Светлана Юрьевна,
доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации,
профессор кафедры гражданского и международного
частного права Волгоградского государственного университета*

К ВОПРОСУ О ПЕРЕХОДЕ НА СТАНДАРТЫ «ЗЕЛеноЙ» ЭКОНОМИКИ В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ РОССИИ¹

Аннотация. Развитие в России «зеленой» экономики еще находится на ранней стадии, в том числе применительно к сфере сельскохозяйственного производства. Необходима разработка четких критериев и индикаторов перехода России к «зеленой» экономике, как это сделано для устойчивого развития. Производство органической продукции является весьма перспективным направлением экологизации сельского хозяйства, поскольку позволяет решить ряд экономических, экологических и социальных задач. Но достижение поставленных целей будет в значительной степени зависеть от мер государственной поддержки, начиная с льгот по налогам и «зеленым» кредитам, и заканчивая появлением института государственных «зеленых» закупок. Достижение поставленных целей потребует экономических, организационных, правовых и иных решений. В части развития законодательства, это означает необходимость уточнения правового режима земель, используемых для производства органической продукции, целей охраны земель, закрепления новых принципов охраны окружающей среды в сельском хозяйстве, а также ряда иных не менее важных мер государственного регулирования.

Ключевые слова: право, принципы охраны окружающей среды, правовой режим земель.

¹Статья выполнена в рамках проекта «Волга – Каспий: Право и зеленая экономика» Программы развития Кал-мыцкого государственного университета им Б.Б. Городовикова на 2021-2030 годы.

Ryzhenkov Anatoly Jakovlevich,
professor of department of civil law and process,
of Kalmyk state University named after B.B. Gorodovikova
doctor of jurisprudence, professor,
E-mail: 4077778@list.ru
Kazachenok Svetlana Yu.,
Doctor of Sciences (Jurisprudence), Honored lawyer of the
Russian Federation, professor of civil and international private law
Volgograd State University

ON THE ISSUE OF TRANSITION TO THE STANDARDS OF «GREEN» ECONOMY IN AGRICULTURE IN RUSSIA¹

Abstract. The development of the “green” economy in Russia is still at an early stage, including in relation to agricultural production. It is necessary to develop clear criteria and indicators of Russia’s transition to a “green” economy, as it has been done for sustainable development. The production of organic products is a very promising direction for the greening of agriculture, since it allows solving a number of economic, environmental and social problems. But the achievement of the set goals will largely depend on state support measures, starting with tax benefits and “green” loans, and ending with the change in the institution of state “green” procurement. Achieving these goals will require economic, organizational, legal and other solutions. In terms of the development of legislation, this means the need to clarify the legal regime of lands used for the production of organic products, the purposes of land protection, the consolidation of new principles of environmental protection in agriculture, as well as a number of other equally important measures of state regulation.

Keywords: law, principles of environmental protection, legal regime of land.

¹Статья выполнена в рамках проекта «Волга – Каспий: Право и зеленая экономика» Программы развития Кал-мыцкого государственного университета им Б.Б. Городовикова на 2021-2030 годы.

Одной из наиболее актуальных концепций взаимодействия природы и общества в современном мире является концепция «зеленой» экономики. Как полагает Цян Хуан, «зеленая» экономика представляет собой новую экономическую модель, ориентированную на гармоничное развитие экономики и охрану окружающей среды; в результате промышленная экономика не должна наносить вред здоровью людей и окружающей среде, определяя и формируя новое состояние социального развития. Целью зеленой экономики является достижение гармонии между экономикой и окружающей средой, преобразование технологий защиты природы, внедрение чистых производственных процессов и экологически чистых технологий в производство, а также обеспечение устойчивого развития экономики посредством экономической деятельности, благоприятной для окружающей среды и не вступающей в конфликт с ней [Huang, 2010: 271].

В отличие от концепции устойчивого развития, имеющей четкие цели (ЦУР – 17 Целей устойчивого развития) и соответствующие критерии и индикаторы, фиксирующие движение к поставленным целям, применительно к построению «зеленой» экономики таких четких критериев нет. Тем не менее, анализ международных и российских программно-политических и нормативных актов позволяет утверждать, что построение в РФ «зеленой» экономики будет означать экологизацию всех сфер общественной жизни, ужесточение экологических нормативов в промышленности, развитие системы возобновляемых источников энергии, снижение выбросов парниковых газов, а также значительное увеличение производства экологически чистой (органической) аграрной продукции.

Традиционно различают три группы аграрных технологий: традиционную, с использованием ГМО, и производство органической продукции. Представляется, что говорить о приближении к достижению целей «зеленой» экономики в сельском хозяйстве можно будет только тогда, когда нормативно будут установлены ее цель и критерии, например, достижение определенного количественного показателя производства органической аграрной продукции в общем объеме сельскохозяйственного производства (например, 5% или 1 млн тонн), как это сделано применительно к целям и задачам обеспечения продовольственной безопасности в Доктрине продовольственной безопасности РФ, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 21 января 2020 г. № 20.

Конкретные критерии и индикаторы «зеленой» экономики еще ждут своего определения (причем их разработка должна идти не только применительно к сельскому хозяйству, но и одновременно по всем остальным секторам хозяйственной и иной деятельности), однако проблемы и перспективы развития органического сельского хозяйства в контексте экологизации российской экономики следует обсуждать уже сейчас. Появление органического сегмента в АПК многих стран явилось реакцией на чрезмерную химизацию аграрного производства. По данным ежегодного отчета IFOAM, органическое производство в мире практикуют 178 стран, из них 87 имеют собственную нормативно-правовую базу. В число таких государств с 2018 г. вошла и Россия. По последним официальным данным, в мире насчитывается 2,7 млн производителей органической продукции, объем рынка составляет 89,7 млрд дол. США. С 2000 г. он увеличился в 5 раз. Несмотря на мировые кризисы, его рост продолжается [Занилов и др., 2018: 3].

В России 40 из 122 млн гектаров пахотных земель не обрабатывались, и, следовательно, не удобрялись синтетическими химическими удобрениями более 20-25 лет. Эти участки потенциально могут быть использованы для производства органической продукции. Если смотреть на ситуацию в конкретных регионах, то, например, в Свердловской области около 600 тыс. из 1,5 млн га пахотных земель сейчас не используются. Вместе с тем, следует иметь в виду, что не все эти пахотные земли могут быть использованы для органического земледелия из-за техногенного и радиационного загрязнения местности [Donnik et al, 2016: 3].

Представляется, что важность развития органического сельского хозяйства состоит в решении трех «важных общественных задач. Во-первых, оно удовлетворяет спрос на качественные продукты питания. Во-вторых, будучи основанным на лучших экологических методах, такое производство не наносит ущерба окружающей среде. В-третьих, развитие органического земледелия способствует экономическому развитию сельской местности» [Анисимов, Попова, 2017: 62].

На сегодняшний день в правовой науке нет единого понимания «органического сельского хозяйства». Р.А. Цилюрик полагает, что «органическое земледелие» – это сельскохозяйственная деятельность, означающая обработку сертифицированных сельскохозяйственных угодий, используемых для производства органической продукции растительного происхождения. Она предусматривает применение производителями такой продукции методов, принципов и правил ее выращивания, предусмотренных национальным законодательством и международными стандартами органического производства [Цилюрик, 2019: 6].

По мнению Р.П. Старовойтовой, органическими являются «продукты сельского хозяйства, изготовленные без использования пестицидов, синтетических минеральных удобрений, регуляторов роста, искусственных пищевых добавок, а также без использования генетически модифицированных продуктов» [Старовойтова, 2015: 227]. О.О. Сикачева обращает внимание на то, что органический сельскохозяйственный товар (в отличие от сельскохозяйственного товара, не относящегося к органическим), «помимо удовлетворения базовой потребности (пригодность для целей, для которых сельскохозяйственный товар обычно используется), должен обеспечивать удовлетворение дополнительных потребностей отдельных категорий потребителей (улучшение здоровья, сохранение и улучшение состояния окружающей среды) за счет своих специальных свойств и требований к условиям его производства (предпродажной подготовке, транспортировке, хранению, реализации)» [Сикачева, 2019: 11]. Наконец, ряд авторов отмечает, что в сельском хозяйстве проблема «озеленения» проявляется в развитии экологически безопасного производства для получения экологически чистой продукции, «выращенной на экологически чистых сельскохозяйственных землях с использованием технологий и способов, исключающих применение минеральных удобрений, гербицидов и других химических средств защиты растений, отвечающей научно обоснованным стандартам качества, подтвержденной сертификатами и не оказывающей негативного влияния на состояние окружающей среды при ее производстве и утилизации» [Хоробрых, Литвинчук, 2016: 40].

Таким образом, большинство авторов, участвующих в дискуссии о понятии органического сельского хозяйства и способах его развития отмечают, что органическое земледелие предполагает, во-первых, использование экологически безопасных технологий, не причиняющих вреда окружающей среде; во-вторых, получаемая сельскохозяйственная продукция должна быть безопасной (или даже полезной) для здоровья людей; в-третьих, производство такой продукции находится в сфере действия права и регламентируется, в том числе, путем проведения сертификации или иных мер государственного регулирования. Следует обратить внимание на то, что далеко не все авторы подчеркивают одно важное обстоятельство – производство органической продукции возможно только на землях, непосредственно отведенных под эти цели и отвечающих специальным критериям.

В настоящий момент Земельный кодекс РФ подразделяет земли сельскохозяйственного назначения как категорию земель на две субкатегории: сельскохозяйственные угодья и несельскохозяйственные угодья (занятые внутрихозяйственными дорогами, коммуникациями и т.д.). При этом в составе сельскохозяйственных угодий выделяются особо ценные продуктивные сельскохозяйственные угодья, кадастровая стоимость которых существенно

превышает средний уровень кадастровой стоимости по муниципальному району (или городскому округу), однако сельскохозяйственные угодья, на которых выращивается органическая продукция, к особо ценным не относятся, и отдельно не выделяются.

Кроме того, Классификатор видов разрешенного использования земельных участков, утвержденный приказом Росреестра от 10 ноября 2020 г. № П/0412 (ред. от 22.06.2022) выделяет множество видов разрешенного использования земель сельскохозяйственного назначения (растениеводство, скотоводство и т.д.), однако не упоминает выращивание органической продукции, хотя данная сельскохозяйственная деятельность имеет весьма существенную специфику.

Чтобы в этом убедиться, обратимся к положениям Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 280-ФЗ «Об органической продукции и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Данный закон определяет, что органическая продукция – это экологически чистые сельскохозяйственная продукция, сырье и продовольствие, производство которых соответствует требованиям, установленным данным законом, а также указывает, что при ведении органического сельского хозяйства «применяются способы, методы и технологии, направленные на обеспечение благоприятного состояния окружающей среды, укрепление здоровья человека, сохранение и восстановление плодородия почв». Закон предусматривает ряд мер, гарантирующих качество органической сельскохозяйственной продукции, в том числе добровольную сертификацию; ведение Единого государственного реестра производителей органической продукции, маркировку органической продукции, меры государственной поддержки производителей такой продукции, а также информационное и методическое обеспечение деятельности по производству этой продукции. В ст.4 Закона предусмотрены требования к производству органической продукции, включая обособление производства органической продукции от производства продукции, не относящейся к органической продукции; запрет на применение агрохимикатов, пестицидов, антибиотиков, стимуляторов роста и т.д.

Несмотря на ряд достижений в части правового регулирования производства органической продукции, ряд вопросов требует дальнейшего обсуждения.

1) в настоящий момент нет специальных нормативных требований по использованию и охране земель сельскохозяйственного назначения, на которых выращивается органическая продукция, отличающихся от общих требований по охране земель сельскохозяйственного назначения, применяемых при осуществлении традиционного сельскохозяйственного производства. Это обстоятельство требует внесения дополнений в ст. 79 ЗК РФ указанием на то, что наряду с особо ценными продуктивными сельскохозяйственными угодьями, аналогичной правовой защите подлежат и земельные участки, на которых производится выращивание органической продукции сельского хозяйства. В целях усиления гарантий охраны земель, необходимо дополнить ст. 12 ЗК РФ («Цели охраны земель») указанием на необходимость внедрения методов органического земледелия. В свою очередь, ст.17 Федерального закона «Об охране окружающей среды», посвященную мерам государственной поддержки хозяйственной и иной деятельности, осуществляемой в целях охраны окружающей среды, необходимо дополнить упоминанием мероприятий (п.4) по внедрению органического земледелия.

2) в отличие от многих зарубежных стран, где производство органической продукции осуществляется фермерами, в России этот рынок сельскохозяйственного производства захватили крупные производители (по имеющимся данным, средняя площадь сертифицированных органических предприятий в РФ составляет 3400 га) [Занилов и др., 2018: 3-4]. Это означает необходимость создания дополнительных стимулов и мер государственной поддержки мелким и средним сельскохозяйственным товаропроизводителям, в целях

поддержания конкуренции и разнообразного ассортимента такой продукции. В этом смысле интересен опыт США, где кроме мер повышения доступности сертификации органической продукции для мелких фермеров, на уровне штатов также предоставляют скидки по налогу на имущество фермерам, переходящим на органические технологии.

3) в разных странах мира предприняты попытки дифференцировать понимание органической продукции. Например, в США продукт может быть помечен как «100% органический» и иметь печати Министерства сельского хозяйства США и частного сертифицирующего агента, если он содержит 100% органически произведенных ингредиентов (например, без синтетических веществ). Во-вторых, продукт должен содержать не менее 95% органических ингредиентов, чтобы иметь маркировку просто «органический» и использовать печати Министерства сельского хозяйства США и частного сертифицирующего агента. В-третьих, продукт, содержащий не менее 70% ингредиентов органического происхождения (или, лучше сказать, только 70% органических ингредиентов) может быть помечен как «сделано из органических ингредиентов» и иметь печать частного сертифицирующего агента. Для продуктов, содержащих менее 70% органических ингредиентов, на этикетке могут быть указаны органические ингредиенты, но слово «органический» использовать нельзя [Czarnezki, 2015: 289-291].

В ЕС выделяют три категории «органичности» товаров: если в продукте более 95% органических ингредиентов, он называется органическим; если 70-94 % органических составляющих, это слово может использоваться только в списке ингредиентов; если в нем менее 70% органических ингредиентов – слово органический использовать на упаковке нельзя [Белякова, 2018: 140-151]. Этот опыт может представлять интерес и для регулирования органической продукции в РФ.

4) наряду с объективными условиями и процедурами развития рынка органической продукции, существует и ряд аспектов, несколько выходящих за рамки права. Принятое в РФ законодательство действительно предусматривает гарантии качества органической продукции и способы охраны добросовестной конкуренции на рынке органических товаров, в основном, посредством ведения реестра производителей органической продукции и маркировки органической продукции. Экологическая маркировка – это «практика маркировки продуктов отличительной этикеткой, чтобы потребители знали, что их производство соответствует признанным экологическим стандартам» [Kim, 2014: 423]. По мысли законодателя, эти два способа должны применяться в единстве – маркироваться должна продукция, присутствующая в реестре. Конечно, есть и минусы, связанные с применением этих способов: они ведут к дополнительным расходам предпринимателей [Михайлов, 2019: 38]. Другими словами, у экологического предпринимателя будет больше обязанностей, чем у производителя традиционной сельскохозяйственной продукции, хотя он и получает ряд преимуществ на потребительском рынке, позволяющих ему значительно увеличить прибыль.

Между тем, функция информирования потребителя посредством маркировки, направленная на повышение осведомленности потребителя и повышение конкурентоспособности органической продукции, будет работать только в том случае, если удастся преодолеть недоверие потребителя к новому для него виду продукции, что потребует определенных усилий по просвещению и образованию населения, повышению уровня его правовой культуры. Кроме того, весьма непростой является задача убедить не самое богатое население России тратить дополнительные деньги на аграрную продукцию повышенного качества. В решении этой проблемы могла бы сыграть свою роль информационная открытость органов государственного управления и производителей аграрной продукции, выявление нарушителей требований к органической продукции и их наказание.

5) большую роль в поддержке органического земледелия могут сыграть субъекты РФ, которые уже предпринимают такие попытки. В качестве примера можно привести Закон Воронежской области от 13.07.2020 № 80-ОЗ «О регулировании отдельных отношений в сфере производства органической продукции на территории Воронежской области». В данном законе представляют интерес две статьи. Во-первых, в ст. 5 Закона отмечается, что при переходе к органическому сельскому хозяйству устанавливается переходный период, в течение которого обеспечивается внедрение правил ведения органического сельского хозяйства и производства органической продукции. Производитель органической продукции вправе иметь производственные единицы, на которых он может осуществлять как производство органической продукции, так и традиционное сельскохозяйственное производство (параллельное производство). В переходный период должны соблюдаться следующие условия: при переходе к производству органической продукции, хранение продукции, содержание животных должны осуществляться отдельно с хранением продукции и содержанием животных в параллельном производстве (если таковое имеется); продукцию, произведенную в переходный период, запрещается реализовывать и маркировать как органическую, в том числе не допускается размещать маркировку органической продукции на упаковке, потребительской, транспортной таре сельскохозяйственной продукции, сырья и пищевых продуктов, произведенных в переходный период.

Во-вторых, в ст.7 Закона Воронежской области предусмотрен ряд мер информационного обеспечения в сфере производства органической продукции, принимаемых на уровне данного субъекта РФ. В частности, информационное обеспечение включает в себя размещение на официальном цифровом ресурсе уполномоченного органа следующей информации: о поставщиках товаров, работ, услуг, осуществляющих поставку продукции, товаров, проведение работ, оказание услуг в целях производства органической продукции; о земельных участках, пригодных для осуществления производства органической продукции; о результатах научных исследований и разработок в области органического сельского хозяйства; о размещении в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» информационного ресурса, содержащего сведения из единого государственного реестра производителей органической продукции; о производителях органической продукции Воронежской области; о нормативно-правовом обеспечении производства органической продукции на территории Воронежской области; иной информации о ведении органического сельского хозяйства.

Данный опыт представляет интерес потому, что обеспечить устойчивое развитие сельского хозяйства в целом, равно как и увеличить объем производства органической продукции возможно только с учетом уникальных экономических, климатических и иных условий ведения сельского хозяйства в регионах.

б) между переходом к «зеленой» экономике в сельском хозяйстве и развитием органического земледелия нельзя ставить знак равенства. Несомненно, органическое земледелие является важнейшей составной частью аграрной «зеленой» экономики. Однако кроме этого маркерами такого перехода могут служить степень развития в сельской местности возобновляемых источников энергии, развитие аграрного и экологического туризма и т.д. Более того, отдельные элементы органического земледелия мы наблюдаем на «бытовом» уровне. Дело в том, что на приусадебных участках граждан, в садоводстве и огородничестве «накоплен многолетний опыт ведения хозяйства с соблюдением целого ряда элементов зеленой экономики (бесплужная обработка, сидераты, компостирование отходов, севооборот, отказ от химических средств в борьбе с сорняками и вредителями и др.), получается значительный объем экологически чистой продукции для личного и семейного

потребления» [Свитин, Матасева, 2017: 155]. Эта продукция не является товарной, и не подлежит маркировке, но она производится и потребляется гражданами, внося вклад в экологизацию сельского хозяйства.

7) в настоящий момент законодатель отдельно регламентирует производство органической продукции, и отдельно – сельскохозяйственной продукции с улучшенными характеристиками. Последнему вопросу посвящен Федеральный закон от 11 июня 2021 г. № 159-ФЗ «О сельскохозяйственной продукции, сырье и продовольствии с улучшенными характеристиками». В этом законе под сельскохозяйственной продукцией с улучшенными характеристиками (улучшенной сельскохозяйственной продукцией) понимается сельскохозяйственная продукция и сельскохозяйственное сырье, качественные и потребительские характеристики которых соответствуют требованиям, установленным вышеуказанным Федеральным законом (улучшенные характеристики), производство, транспортировка, хранение и реализация которых соответствуют его требованиям.

Точно также, как и в законе об органической продукции, в данном Законе предусмотрен сопоставимый набор мер государственного регулирования (реестр, маркировка, информационное и методическое обеспечение), а также мер по добровольной сертификации этой продукции, что, безусловно, говорит об общем концептуальном замысле законодателя. Вместе с тем, из текстов обоих законов остается не ясным, как именно будут соотноситься эти два вида сельскохозяйственной продукции – органическая и с улучшенными характеристиками.

8) экологическое законодательство содержит весьма широкий перечень принципов охраны окружающей среды. Традиционно считается, что принцип – это основная идея, лежащая в основе той или иной отрасли законодательства, которая реализуется через нормы закона, содержащие конкретные правовые предписания. Принцип может лежать в основе как всей отрасли права, так и отдельного правового института; кроме того, принципы права (в том числе экологического) могут быть использованы в законотворческой и правоприменительной деятельности (например, в случае выявления пробелов в праве) (Рыженков, 2018: 3-4). Но если мы обратимся к системе принципов экологического законодательства (ст.3 Федерального закона «Об охране окружающей среды»), то среди них мы обнаружим принципы-идеи устойчивого развития, но не «зеленой» экономики, и не развития органического земледелия. Между тем, увеличение производства органической продукции можно рассматривать как одно из направлений охраны окружающей среды в сельском хозяйстве, что требует дополнения ст.3 Закона принципом «развития производства органической продукции».

9) в России необходимо развивать институт «зеленых» закупок, в нашем случае речь должна идти о государственных закупках органической продукции для школ, больниц, санаториев, детских садов и в иных специально оговоренных случаях. Это позволит не просто поддержать перспективную отрасль экономики, но и внесет значительный вклад в повышение уровня здоровья людей.

Подводя итоги, следует заметить, что развитие в России «зеленой» экономики еще находится на ранней стадии, в том числе применительно к сфере сельскохозяйственного производства. Необходима разработка четких критериев и индикаторов перехода России к «зеленой» экономике, как это сделано применительно к устойчивому развитию. Производство органической (экологически чистой) продукции является весьма перспективным направлением экологизации сельского хозяйства, поскольку позволяет решить ряд экономических, экологических и социальных задач. Но достижение поставленных целей будет в значительной степени зависеть от мер государственной поддержки, начиная с льгот по

налогам и «зеленым» кредитам, и заканчивая появлением института государственных «зеленых» закупок. Достижение поставленных целей потребует экономических, организационных, правовых и иных решений. В части развития законодательства, это означает необходимость уточнения правового режима земель, используемых для производства органической продукции, целей охраны земель, закрепления новых принципов охраны окружающей среды в сельском хозяйстве, а также ряда иных не менее важных мер государственного регулирования.

Библиографический список

Анисимов А.П., Попова О.В. Рынок органической (экологически чистой) продукции в России: правовые вопросы // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 4. Правазнаўства. 2017. Т.7. № 4. С. 60-69.

Белякова З.Ю. Современные правовые формы обеспечения производства и оборота органической продукции // Техника и технология пищевых производств. 2018. № 48-3. С. 140-151.

Занилов А.Х., Мелентьева О.С., Накаряков А.М. Организация органического сельскохозяйственного производства в России: информационное издание. М.: ФГБНУ «Росинформагротех», 2018. 124 с.

Михайлов А.В. Правовые способы пресечения недобросовестной конкуренции на рынке органической продукции // Конкурентное право. 2019. № 3. С.37-39.

Рыженков А.Я. Принципы экологического права. М., 2018. 384 с.

Свитин В.А., Матасева В.В. Земельно-ресурсные аспекты становления «зеленой» экономики в сельской местности // Вестник Белорусской государственной сельскохозяйственной академии. 2017. № 4. С.153-159.

Сикачева О.О. Правовое регулирование рынка органических товаров в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 231 с.

Старовойтова Н.П. Органическое земледелие в России: плюсы и минусы // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2015. № 4. С.226-230.

Хоробрых Э., Литвинчук А. Пути перехода Республики Беларусь на принципы «зеленой» экономики // Аграрная экономика. 2016. № 1. С.38-42.

Цилюрик Р.А. Правовое регулирование использования земельных участков для органического земледелия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 2019. 20 с.

Donnik I., Voronin B., Loretts O. Production of Organic Agricultural Products is an Important Area of “Green” Economy // Indian Journal of Science and Technology. 2016. Vol. 9 (14). P. 1-5.

Czarnezki J.J. Creating Order Amidst Food Eco-Label Chaos // Duke Environmental Law & Policy Forum. 2015. Vol. XXV. P.281-311.

Huang Q. Study on the Development of Green Economy in Zigong Area, Sichuan Province, China // Journal of Sustainable Development. 2010. Vol. 3. No. 2. P. 271-272.

Kim H. An Argument for WTO Oversight of Ecolabels // Stanford Environmental Law Journal. 2014. Vol. 33. P. 421-455.

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

*Бортенев Александр Иванович,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС,
кандидат юридических наук, доцент
E-mail: kollapsssr@yandex.ru*

УСТОЙЧИВОСТЬ И СПОСОБНОСТЬ СИСТЕМЫ РИМСКОГО ЧАСТНОГО ПРАВА К САМОРАЗВИТИЮ И РЕЦЕПЦИИ

Аннотация. В статье проводится исследование факторов, оказавших существенное влияние на способность римского частного права к саморазвитию и рецепции его норм и институтов.

Ключевые слова: римское частное право, система права, правовая семья, устойчивость системы римского права, саморазвитие римского права, рецепция римского права.

UDC 340.114
БКК 67.0

DOI: 10.53315/2949-1193-2022-1-1-46-53

*Bortenev Aleksandr Ivanovich,
Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines
At Volgograd Institute of Management, branch of RANEPA,
Candidate of Sciences in Jurisprudence, Associate Professor
E-mail: kollapsss@yandex.ru*

**STABILITY AND ABILITY OF THE SYSTEM
OF ROMAN PRIVATE LAW
FOR SELF-DEVELOPMENT AND RECEPTION**

Abstract. The article examines the factors that had a significant impact on the ability of Roman private law to self-develop and receive its norms and institutions.

Keywords: Roman private law, system of law, legal family, sustainability of the Roman law system, self-development of Roman law, reception of Roman law.

Общеизвестно, что стремление к нормированию человеческих отношений присуще как человечеству в целом, так и каждому народу в отдельности с учетом особенностей их развития.

Системе общественных отношений свойственна конкуренция, и одним из инструментов, позволяющих с ее помощью обеспечить устойчивое развитие общества, является право. Через право может быть достигнуто то, что Цицерон называет «*incolumnis civium conjunction*» (безопасное общение граждан).

Казалось бы, с точки зрения современных подходов к сущности права в любой его интерпретации сложившаяся в Древнем Риме в период с VIII века до нашей эры вплоть до VI века нашей эры система норм ничего необычного из себя не представляет.

Она обладает уже давно обозначенными в современной правовой доктрине признаками: имеет четко выраженную государственно-властную природу, характеризующуюся признаками общеобязательности, формальной определенности, выполняющей при этом и регулятивную, и охранительную функции.

Однако, если обратиться к научной и практической значимости для современной Европы и России сложившегося опыта правового регулирования имущественных и личных неимущественных отношений в правовых порядках различных стран, мы обнаруживаем совершенно другую картину – признанное первенство здесь принадлежит именно праву Древнего Рима.

История развития теории и практики правового регулирования общественных отношений знает примеры их возвышения и упадка у различных народов, но римская юриспруденция, как бы далеко она от нас ни отстояла, оказывается к нам значительно ближе, чем некоторые современные правовые порядки, оставляет нам надежду на дальнейшее правовое развитие, а не на войну «всех против всех».

Современная юриспруденция, сложившаяся в странах романо-германской правовой семьи, основана и содержит, если так можно выразиться, ДНК римского права.

«Генетические проявления» (корни) римского частного права находим во всех современных национальных правовых системах континентальной Европы (в том числе и английского права).

Это и категориальный аппарат современной юридической теории и практики, и построение и взаимосвязь частноправовых институтов и норм, и характерная для современного гражданского права система основных начал правового регулирования (принципов).

Создав империю, охватившую большую часть цивилизованного мира, римляне, как пишет П.Н. Астапенко, «сформировали феномен, который не только внутренне скреплял разнородные части империи, но и пережил своих создателей. Римское право стало основой так называемой романо-германской правовой семьи и сыграло важную роль в становлении и развитии международного права» [Астапенко, 2018: 6].

Факторы, которые вызвали к жизни столь удивительное явление, как рецепция норм и системы римского права, являются на протяжении нескольких столетий предметом научных исследований.

Работы Антония Тибо, Отто фон Гирке, Густава фон Гуго, Рудольфа фон Иеринга, Фридриха Карла фон Савиньи, Иосифа Алексеевича Покровского, Габриэля Феликсовича Шершеневича, Лудольфа Борисовича Дорна, Ивана Борисовича Новицкого, Дмитрия Вадимовича Дождева, Леонида Львовича Кофанова дали толчок формированию и развитию целых научных школ и направлений, которые, в свою очередь, привели к выводу о необходимости рецепции, значимости римского права для развития национальных правовых систем современных государств, формирования романо-германской правовой семьи.

Только вот факторы, сыгравшие значимую роль в таком развитии и придавшие новое, интегративное качество римскому праву как системе (способность влиять на другие

правопорядки, служить основой для формирования схожих в своих общих признаках национальных правовых систем), не нашли пока всеобщего признания.

Таким образом, среди современных римскому праву национальных систем права оно стоит особняком, прародителем современной юриспруденции, что, на наш взгляд, вытекает из уникальной способности римского права:

– к устойчивости через его практичность, целесообразность, формализм в сочетании со свободой, автономией личности в частноправовой сфере;

– к самосохранению через развитие;

– к рецепции через системность.

Феномен римского права настойчиво обращает внимание именно на эти фундаментальные факторы, характеризующие древнеримскую правовую культуру, выделяющие и отделяющие ее от многообразия других культур.

Иными словами, из этого многообразия постепенно вырастает необычное явление, которое в целом, не выходя за рамки уже известных научных закономерностей общественного развития, приобретает значение, недостижимое для других культур в течение нескольких веков.

Говоря о такой характеристике, как *устойчивость системы римского права*, нельзя обойти стороной то, что замечено и обсуждается многими ее исследователями.

Известно, что под устойчивостью понимается способность системы сохранять текущее состояние при влиянии внешнего воздействия, возможность системы возвращаться в исходный режим после воздействия возмущения.

Римское право выделяется отсутствием резких скачков и катаклизмов, открытостью к восприятию чужого опыта, уважительным отношением к своему правовому опыту и его и бескомпромиссной защитой, и конечно, исключительной *практичностью*.

Говоря о *практичности как факторе устойчивости системы римского права*, нельзя не заметить, что абстрактное, философское мышление не характерно для всего периода развития догмы римского права.

Основным началом, целью древнеримского государства было формирование «римского мира», построенного на национальном праве. Судьба остальных правопорядков зависела от воли Рима, от его военного могущества.

Военное могущество Древнего Рима и исключительная практичность римского права, вытекающая из его казуистических начал, позволили привлечь к использованию сформировавшихся в сфере частного права юридических формул многочисленные, находящиеся под властью Рима народы приникнуть в их культуру и обычаи, впоследствии сформировав то, что именуется «*ius gentium*».

Все, что полезно Риму, он присоединял к своей культуре, но с осторожностью, с учетом полезности и целесообразности, потребностей реальной жизни.

Римляне не приветствовали наличия в правовом регулировании, как это допускали в Греции, общих, расплывчатых философских формулировок, категорий, хотя все полезное из их опыта перенимали.

Иными словами, эта черта национальности в римском праве, как говорит Р. Иеринг, «является как бы результатом заимствований – влияния внешнего мира» [Рудольф фон Иеринг, 1875: 6], культуры как суверенных, так и покоренных Римом народов. Однако такие заимствования не меняют национального характера римского права, не влияют на его устойчивость.

Подчеркивая значение казуистических начал, как фактора, вызвавшего к жизни исключительную практичность норм римского права, проявляющуюся в построении системы его институтов целесообразность, тонкое сочетание формализма и автономии личности в частноправовой сфере, Д.В. Дождев пишет: «Наследие римской юриспруденции

знаменито непревзойденной казуистикой. Внимание к деталям, позволяющим раскрыть все нюансы дела, учесть конкретные интересы сторон, установить их соотношение с позиций справедливости и, соответственно, дать защиту или отказать в ней, стало моделью юридического анализа» [Дождев Д.В., 2021: 18].

Таким образом, практичность римского права делает понятной сравнительную простоту в построении системы римского права, немногочисленность его правовых институтов, что обеспечивает его устойчивость.

Практичность права проявляется также в его:

– *целесообразности*. Анализируя взгляды Рудольфа фон Иеринга, Л.Б. Дорн был согласен с тем, что «римский мир может быть обозначен, как торжество идеи целесообразности над всеми прочими», которая проявляется как «наиболее целесообразное определение своих отношений к другим людям» [Власов, 1992: 9]. Римское право было нацелено на урегулирование актуальных, современных периоду развития римского права, частноправовых отношений. И эта практичность, целесообразность была подкреплена высочайшим уровнем юридической техники, отточенностью и устойчивостью разработанных римскими юристами правовых форм;

– *консерватизме*. Характеризуя его, Л.Б. Дорн пишет: «Раз созданное начало римляне отменяли только с веками, когда видели ясно превосходство другого. Все реформы проводились в нем постепенно и крайне осторожно; мы не наблюдаем в нем никаких скачков» [Власов, 1992: 9].

– оптимальном соотношении формализма и свободы в праве. С одной стороны, юридические акты облекались в сложную правовую форму, несоблюдение которой влекло негативные юридические последствия для участника правоотношения. Иными словами, правовые акты только тогда имели юридическое значение, если совершались особым формальным порядком, не противоречили сложившимся юридическим формулам, в них отсутствовали даже малейшие нарушения формы сделки. Точное соблюдение юридически установленной формы придавала сделке ту силу, когда без длительного разбирательства, фактически безусловно, признавалась действительность или недействительность воли лица в сделке.

С другой стороны, развивается частная автономия, ставшая основой для формирования частного права. При этом точно определенная законом форма послужила становлению правового порядка, необходимого для обеспечения свободы частноправовых отношений, ее утверждение привело к стабильности и предсказуемости в формировании частного права, к его развитию.

Эти две стороны дали определенный синергетический эффект, позволили римскому праву не просто выжить, но и развиваться, сохраняя свою самобытность, оставляя при этом место для собственного развития в интересах самосохранения.

Другой значимый фактор, сыгравший существенную роль в самосохранении римского права и его способности к рецепции в будущем его норм и институтов, есть постепенное его совершенствование, *саморазвитие*.

Д.В. Дождев указывает, что «в истории права аксиоматичным считается тот факт, что система римского частного права и римская правовая традиция в целом являются результатом саморазвития римского гражданского права, представляют собой продукт исключительно римского общества» [Дождев: «URL» <https://bstudy.net/999336>].

В целом соглашаясь с Д.В. Дождевым, следует отметить, что система римского частного права и римская правовая традиция являются результатом саморазвития не только *ius civile*, но и *ius gentium*.

Например, И.А. Покровский во введении к своей работе «История римского права» сравнивал Древний Рим с «тем лаборантом, который переработал рассеянные обычаи международного оборота и слил их в единое, поразительное по своей стройности, целое» [Покровский: «URL» page_6.html].

В этом состоит сущность того явления, которое можно определить как саморазвитие римского права, как деятельность магистратов, направленную на постепенное, качественное изменение сложившейся системы правового регулирования.

В истории римского права такие качественные изменения связывают с возрастающим влиянием *aequitas*.

Содержание этой категории имеет различное толкование, но в целом следует отметить, что *aequitas* представляет собой совокупность требований, вызванных необходимостью совершенствования гражданского оборота, которые живут в сознании народа или отдельных личностей, но еще не получивших своего закрепления в законодательстве.

С течением времени понятие *aequitas* стали соотносить со справедливостью, которая достигается в праве через «равномерность, соразмерность, равенство».

Для законодателя *aequitas* означал «применение равного масштаба» – общего блага всего народа – к различным субъектам.

В этом смысле отражением *aequitas* в юридической практике Рима следует считать известный современному миру эдикт Каракаллы (212 г.).

Во фрагменте эдикта, обнаруженного археологами, император Цезарь Марк Аврелий Север Антонин Август говорит: «... Я полагаю, что я лучшим и наиболее благочестивым образом удовлетворю величие богов, если я всех чужестранцев, когда бы они ни вошли в круг моих подданных, приобщу к почитанию наших богов. Итак, я дарую всем чужестранцам во всей вселенной римское право гражданства, за исключением тех, кто происходит от сдавшихся».

Иными словами, допускалось наделение отдельных групп преимуществами, но лишь для укрепления общего блага.

По мнению римских юристов, *aequitas* – гуманность в области социального порядка, когда ко всем людям, и к богатым, и к бедным, следует предъявлять равномерные требования:

- учитывать при этом различия пола, возраста, занятия;
- сообразно их положению распределять права и обязанности, при этом никто не может наживаться за счет другого; где выгоды, там должны быть и тяжести;
- одинаково устанавливать ценз – пропорционально имуществу каждого.

С учетом *aequitas* римские юристы начали подходить к участию лиц в гражданском обороте с позиций *ius gentium* (*права народов*), которое в дальнейшем и сыграло решающую роль в самосохранении и саморазвитии римского частного права.

По определению классических римских юристов (Гай), это право, общее всем свободным людям, которое везде одинаково соблюдается, так как основывается на «*naturalis ratio*».

В период *ius gentium* уходят в прошлое формальности римского национального права. Для урегулирования отношений с иностранцами возникает особая магистратура – *praetor peregrini*, с установлением которой иностранец, прибывший в Рим, имеет возможность воспользоваться защитой нового магистрата.

Право, выработанное этим магистратом, и есть *ius gentium*, отличающееся от *ius civile* присущим только ему особым характером.

Если признаком *ius civile* выступает *ius strictum*, то признак *ius gentium* – *aequitas*, справедливость, стремящаяся к достижению внутреннего равенства, к истинному, а не формальному предоставлению своего права народов.

Из международного торгового права *ius gentium* постепенно обрело форму общенародного, гражданского права (*jus commune omnium liberorum hominum*), нормирующее гражданско-правовые отношения между всеми свободными людьми в Риме, к какой бы национальности они ни принадлежали.

Самосохранение римского частного права путем перехода от *ius civile* к *ius gentium* обеспечило его саморазвитие в связи с двумя важными факторами:

- *ius gentium* стало римским позитивным правом на основе частичного, целесообразного, практичного заимствования правового опыта других народов;
- *ius gentium* все же является продуктом правотворчества римлян, поскольку выработано римским магистратом (*praetor peregrini*).

Отличительные признаки новой организации системы правового регулирования ясно отражают особенности развития, позволившие римскому праву Древнего Рима остаться актуальной, востребованной системой права на несколько последующих веков.

Эти отличительные признаки проявляются: в сущности и характере организации правового регулирования (римское право формируется на началах *aequitas*, а не *ius strictum*); в источниках, поскольку сформировано не законодательной властью, а магистратом; в переходе от сугубо национального начала в римском праве к территориальному праву).

Таким образом, сделав ius gentium таким же позитивным правом, как и ius civile, только основанное на более широких началах, римское государство обеспечило самосохранение и саморазвитие римского права, создало предпосылки к его рецепции.

Заимствование положений римского права другими государствами более позднего периода, в частности, понятийного аппарата и правовой терминологии, юридической техники построения правовых институтов и норм, стало одним из правовых феноменов юридической науки, получило название рецепции римского права.

Рецепция римского права стала возможной благодаря еще одному фактору, обеспечившему его устойчивость – благодаря его системности.

Системность, с одной стороны, важный фактор устойчивости, самосохранения, с другой стороны – основа для саморазвития, а в более поздние времена и к рецепции, как норм, так и самой системы.

Через «римский мир» (системность первого порядка) был осуществлен переход к формированию романо-германской правовой семьи (системность второго порядка).

Определяя значение системности как одного из факторов, обеспечивших развитие и рецепцию римского права, следует отметить, что:

- во-первых, законодательство вновь образованных европейских государств строилось на основе личного принципа подчинения праву, при этом римская часть населения этих государств, основываясь на *ius gentium*, по-прежнему жила по римскому праву;

- во-вторых, компилируя тексты римских юристов и конституций императоров, власти вновь созданных государств создавали нормативные акты, основанные на правовом опыте римской кодификации (например, *Lex Romana Wisigothorum* и *Lex Romana Burgundiorum*);

- в-третьих, на основе римского права и в его развитие формировалось каноническое право, в рамках которого церковь руководствовалась римским правом. В науке складывается мнение, что римская аристократия, утратившая в результате падения западной римской империи светскую власть, через власть церковную (католическая церковь, папа Римский), в конечном итоге смогли сохранить свое влияние в средневековой Европе, что также способствовало возрождению римского частного права.

Таким образом, не только догма, но и историко-правовые закономерности развития и рецепции римского частного права подготовили почву для формирования современных национальных правовых систем в странах романо-германской правовой семьи.

Признавая определяющее значение римского права для формирования и развития современных правопорядков в странах романо-германской правовой семьи, следует отметить, что его институциональная система была положена в основу гражданского законодательства Германии («Германское гражданское уложение»), Франции (так называемый «кодекс Наполеона»), других европейских стран.

При этом, конечно, не стоит забывать о том, что в процессе рецепции норм римского права его институты были адаптированы к гражданскому обороту, а система права этих стран приобрела черты пандектной системы права.

Таким образом, устойчивость, способность к саморазвитию и рецепции – те факторы, которые позволили римскому праву получить преимущество перед другими, развивающимися рядом с ними культурами, не просто оставить след в истории, но и глубоко проникнуть в современную юридическую практику.

Римское право можно без особого преувеличения назвать *paterfamilias* национальных правовых систем современных европейских государств, генетически связанных со своим прародителем.

Библиографический список

Астапенко П.Н. Римское право: учебник. / Под ред. проф. Н.В. Михайловой. Кнорус, 2018. С.6.

Дождев Д.В. Казуистика в контексте системного анализа: умысел (*dolus*) в определении договора поклажи./Проблемы методологии в юридической науке: от римского права к современным правовым концепциям: сборник научных трудов по итогам Международной конференции (30–31 октября 2020 г., Саратов) / Саратовская государственная юридическая академия. Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2021, с.18.

Иеринг, Рудольф фон. Дух римского права на различных ступенях его развития: Пер. с 3-го испр. нем. изд. Ч. 1- / [Соч.] Рудольфа Иеринга, орд. проф. прав. в Геттингене. – Санкт-Петербург: тип. В. Безобразова и К°, 1875. – с.6.

Покровский И.А. История римского права / https://civil.consultant.ru/elib/books/25/page_6.html.

Цит. по: Римское право. Лекции профессора Дорна. 1889-90 / Составители: А. Нератов, В.Соллогуб. Издатель: А Власов. / Литогр.Куприна.92, с.9

Команджаев Евгений Александрович,

кандидат юридических наук, доцент,

Зав. кафедрой теории и истории государства и права

«Калмыцкий государственный университет

им. Б.Б. Городовикова»,

E-mail: komandzhaev@mail.ru

Ятаева Надежда Владимировна,

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права

«Калмыцкий государственный университет

им. Б.Б. Городовикова»,

E-mail: yataeva_nv@mail.ru

К ВОПРОСУ О СПРАВЕДЛИВОСТИ В ПРАВЕ

Аннотация. Статья посвящена проблеме справедливости в праве. Справедливость рассматривается как моральная, так и правовая категория. Право и мораль, как формы общественного сознания, являются важными регуляторами общественных отношений. Конституция РФ и текущее законодательство приняты в соответствии с потребностями общества и подразумеваются соответствующими справедливости. *Цель:* Выявление и анализ закрепления принципа справедливости в праве. *В статье использованы методы:* сравнительно-правовой, формально-юридический, логический. *Результаты:* Принцип справедливости назван во многих нормативных правовых актах. При этом все законодательство должно быть справедливым, даже если данный принцип справедливости прямо не указан в нормативном правовом акте. Если государство принимает нормативный правовой акт, то он предполагается справедливым и признаваемым обществом. Право должно признаваться всеми членами общества справедливым. Наличие справедливых законов представляется фундаментом законности и правопорядка.

Ключевые слова: право, справедливость, мораль, принцип справедливости.

UDC 340.114
ББК 67.0

DOI: 10.53315/2949-1193-2022-1-1-54-61

Komandzhaev Evgeny,

*Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov,
Elista, Russia,*

E-mail: komandzhaev@mail.ru

Yataeva Nadezhda,

*Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov,
Elista, Russia,*

E-mail: yataeva_nv@mail.ru

TO THE QUESTION OF JUSTICE IN LAW

Abstract. The article is devoted to the problem of justice in law. Justice and law are important categories in law. The term justice is used in morality and in law. Law and morality together are important regulators of social relations. Justice is considered as a moral and legal category. Purpose: Identification and analysis of the consolidation of the principle of justice in law. The Constitution of the Russian Federation and current legislation are adopted in accordance with the needs of society and are understood to be appropriate for justice. Methods: methods of comparative legal, formal legal, logical methods were used. Results: The principle of justice is named in many normative legal acts. At the same time, all legislation must be fair, even if this principle of justice is not directly indicated in the normative legal act. If the state adopts a normative legal act, then it is assumed to be fair and recognized by society. The law must be recognized as fair by all members of society. The presence of fair laws is the foundation of law and order.

Keywords: law, justice, morality, the principle of justice.

ВВЕДЕНИЕ

Справедливость и право являются важнейшими категориями в юриспруденции. Понимание права изменялось и эволюционировало вместе с обществом, как и понимание и осознание справедливости. Справедливость можно рассматривать как правовое, так и моральное явление. Справедливость является наиболее близкой к праву добродетелью и является фундаментальным понятием для права [Графский В.Г., 2012: 614].

Ученые и мыслители, само общество во все времена задавались вопросом о справедливости в праве. Соответствуют ли нормы права требованиям справедливости? Этот вопрос является достаточно актуальным и в современном обществе. Ведь общество согласно добровольно соблюдать только те нормы права, которые соответствуют требованиям справедливости. Поэтому мы и задаемся вопросом, как соотносятся право и справедливость.

Право направлено на регулирование общественных отношений. Справедливость, являясь изначально моральной категорией, со временем приобрела правовое содержание. Принцип социальной справедливости является признанным принципом права и упоминается не только в теории права, но и во многих отраслях права. Поэтому единое понимание принципа справедливости необходимо для современной правовой науки и практики.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Большой вклад в понимание права и того, как соотносятся право и справедливость, внесли ученые Античности. Уже в Древней Греции люди пытались разрешить социальные проблемы с помощью справедливых законов. Справедливость считалась высшей добродетелью и противопоставлялась злу.

В древнегреческой философии закреплялись понятия «дике» (справедливость, правда), «эвномия» (благозаконие), «темис» (обычай), «номос» (закон). Дике представлялась в мифологии как богиня, дочь Зевса и Фемиды. Дике охраняла справедливость, установленную богами, и наказывала за нарушения правил поведения.

Пифагор и его философская школа утверждали, что «справедливость состоит в воздаянии равным за равное», и это способствовало формированию идей правового равенства [Нерсесянц В.С., 2004: 45]. Жизнь в обществе должна подчиняться праву и справедливости.

Известные философы Сократ и Платон также обращали внимание на принцип справедливости. По мнению Сократа, божественные законы и законы, созданные людьми, содержат в себе одну справедливость. В государстве должны господствовать разумные и справедливые законы. Платон указывал, что закон призывает к исполнению долга, запрещает преступления [Давитадзе М.Д., 2018: 137].

Аристотель рассматривал учение о праве и законе как эталон политической справедливости. Понятие «справедливость» подразумевает равное отношение ко всем людям на основании законов, а несправедливость – это противозаконное отношение к людям [Нерсесянц В.С., 2004: 65].

Древнеримский философ Цицерон также обращал внимание на понимание справедливости. С точки зрения Цицерона, справедливость «воздает каждому свое и сохраняет равенство между ними». Справедливость требует не вредить другим и не нарушать чужую собственность. Законы государства должны соответствовать справедливости [Нерсесянц В.С., 2004: 65].

Античные авторы выражали одну мысль – закон должен быть справедливым. Эти идеи были поддержаны в Новое время представителями теории естественного права (Спиноза, Г. Гроций, Ж.-Ж. Руссо, Ш.-Л. Монтескье, Д. Локк, Т. Гоббс и др.). Философы-просветители воспринимали право как воплощение справедливости. Справедливость содержится в едином для всех естественном законе. Законы государства должны соответствовать справедливым естественным законам. Позитивная юриспруденция рассматривает справедливость как важнейший и основополагающий принцип права. Ученые-просветители считали защиту прав и свобод человека высшей справедливостью. Эти идеи естественного права были полностью поддержаны в северных штатах Америки (Джефферсон, Вашингтон, Гамильтон). Свобода, равенство и справедливость получили практическое воплощение в Конституции США.

Многие мыслители прошлого понимали справедливость как цель правового регулирования. При этом содержание справедливости должно определяться обществом и соответствовать интересам общества. Справедливость не может определяться государством или правящей элитой. В истории были примеры извращенного понимания справедливости и закрепления в законах различного рода несправедливостей. (например, законы гитлеровской Германии). В недемократических государствах права и свободы предоставляются в ограниченном объеме и государство определяет объем этих прав. Политические силы, стоящие у власти, стремятся представить себя лучшей и справедливой властью. Поэтому справедливость может приобретать разное значение для общества и для правящей элиты, что негативно сказывается в целом на общественных отношениях.

Современные авторы отмечают, что право является справедливым в силу принятия этих правовых норм обществом. Р.З. Лившиц писал: «Те справедливые идеи, которые обрели нормативное закрепление в законе и были проведены в жизнь, стали правом. Те, которые не обрели, остались за пределами права. Право есть нормативно закрепленная и реализованная справедливость» [Лившиц Р.З., 1994: 169]. Аналогично отмечает и В.К. Бабаев: «Право – это система нормативных установок, опирающихся на идеи человеческой справедливости и свободы, выраженная большей частью в законодательстве и регулирующая общественные отношения» [Бабаев В.К., 2005: 111].

Моральные нормы представляют собой правила поведения, сложившиеся в обществе на основе представлений людей о добре и зле, хорошем и плохом, справедливости и несправедливости. Справедливость выступает здесь как нравственная категория, являющаяся одной из центральных категорий. Такие нравственные категории, как добросовестность, честность, гуманность, благородство, взаимопомощь, уважение и др. ориентируются на идею справедливости.

В научной литературе часто проводят сравнительный анализ права и морали с точки зрения справедливости. Так, В.М. Сырых исходит из того, что «в основе справедливости лежит выработанный в сфере экономики принцип эквивалентности, как равенство и соразмерность во взаимоотношениях товаропроизводителей. По его мнению, справедливость есть инобытие эквивалентности в морали» [Гурвич Г.Д., 2004: 419], а сама эквивалентность является формой выражения справедливости в праве.

Г.Д. Гурвич также разводит справедливость и мораль и утверждает, что «справедливость расположена на полпути между нравственностью и логикой. Акт, через который открывается справедливость, сводится не к интуиции – действию, а к бесстрастному признанию ее ценности. Система таких актов признания и образует юридический опыт; переживаемые в нем ценности являются производными от ценностей нравственных» [Гурвич Г.Д., 2004: 289]. Справедливость в таком контексте предстает как нечто отличающееся от морали и логики.

Справедливость является основной, фундаментальной нравственной ценностью. Ее можно назвать основой многих других моральных ценностей. При этом справедливость основывается на ценностях общества, сложившихся исторически. Являясь нормой морали, справедливость оказывает влияние на все сферы жизни общества.

Закрепленные в законодательстве принципы свободы и равенства тесно связаны с принципом справедливости. Принцип справедливости признается многими авторами как общеправовой принцип. При этом принцип справедливости упоминается и в отдельных нормативных правовых актах, и принципы права имеют не только теоретический характер, но и практическое значение. Принципы права являются своеобразными ориентирами в правотворческой, правоприменительной и правоохранительной деятельности.

Принцип справедливости тесно связан с идеей равенства. Равенство всех перед законом и судом воспринимается обществом как справедливый принцип права. Современные демократические общества и государства признают и обеспечивают принцип равенства членов общества. Закон должен одинаково относиться ко всем субъектам. Исключения и привилегии являются нежелательными для современного законодательства. Идея правового равенства ограничивает произвол в деятельности государственного аппарата, не допускает каких-либо преимуществ отдельных субъектов. Поэтому эта идея равенства имеет большую ценность для правовой справедливости.

Справедливость можно назвать нравственно-правовой категорией. Деятельность в сфере права всегда носит нравственный характер и может быть оценена с точки зрения и права, и морали. Поэтому интерес вызывает проблема соотношения правового и нравственного содержания в справедливости. Оценки права и морали отличаются. Так, определенное деяние с позиции права может оцениваться как правомерное, допустимое, законное, а соответственно и справедливое. С позиции морали это же деяние может быть оценено как не соответствующее нравственным нормам. Общественная мораль может давать иную оценку действиям, чем право. За определенные преступления закон предусматривает лишение свободы. Но общество оценивает такое наказание как слишком мягкое. Поэтому законное в сфере права не всегда воспринимается обществом как справедливое.

Справедливость должна быть закреплена в праве и стать основой правоприменительной деятельности. Справедливость находит свое внешнее выражение в поведении людей. Верно отметила З.В. Макарова, что справедливым может быть только человек и его деятельность в сфере права [Макарова З.В., 2012: 56].

Ряд ученых расценивает справедливость только как нравственную категорию. Так, М.Н. Марченко полагает, что «моральные категории, в том числе справедливость, не имеют отношения к праву и правовой теории, более того, приводят лишь к усложнению проблемы» [Марченко М.Н., 2014: 321]. В.С. Нерсесянц, напротив, считает право изначально справедливым. Справедливость, по его мнению, присуща праву, и только ему, «какого-либо другого регулятивного принципа, кроме правового, справедливость не имеет» [В.С. Нерсесянц, 1996: 11]. Сторонники этой позиции отмечают, что правовое регулирование должно быть справедливым. Справедливость служит критерием оценки поведения людей. Поэтому справедливость является не только нравственной, но и правовой категорией.

Следует согласиться с мнением В.С. Нерсесянца о том, что «справедливо то, что выражает право, соответствует праву и следует праву. Действовать по справедливости – значит действовать правомерно, соответственно всеобщим и равным требованиям права» [В.С. Нерсесянц, 1996:29-30]. Если человек соблюдает нормы права, то он поступает справедливо. Человек, соблюдающий все нормы морали, всегда будет действовать правомерно,

а значит и в соответствии с требованиями справедливости. В понятии справедливости «фиксируется моральное и правовое представление о том, что соответствует и что не соответствует законам, нормам права и общественной, господствующей в обществе морали» [Щербаков В.А., 2017: 38].

Принцип социальной справедливости является одним из общих принципов права. Данный принцип означает общее требование к праву: право должно соответствовать справедливости. В правовых нормах должны быть закреплены справедливые требования к поведению, должно отражаться соответствие между трудом и вознаграждением, преступлением и наказанием.

Содержание принципа справедливости раскрывается в доктрине юридического либертариизма. Признание равенства и свободы приводит к утверждению в обществе справедливости. Однако права и свободы человека могут быть ограничены. Поэтому полной свободы не может быть в современном обществе.

В.В. Лапаева относительно справедливости в праве отмечает, что правовое равенство устанавливается государством и обществом. Решения нелегальной и нелегитимной власти не может быть справедливым. Право отражает меру свободы в государстве. Парламент, принимающий законы, действует от имени населения и выражает волю народа. Именно в законах закреплено то, что считается справедливым. Государство закрепляет и защищает свободу, равенство и справедливость. Закон, принятый недемократическим государством, нельзя считать справедливым [Лапаева В.В., 2009: 214].

Важной проблемой современного общества является справедливость законодательства. Конституция РФ и текущее законодательство приняты в соответствии с потребностями общества и подразумеваются соответствующими справедливости.

Однако понимание справедливости в обществе может быть различным. Так, различные социальные группы могут иметь разные моральные ценности и поэтому могут иметь разные представления о справедливом и несправедливом. Представления о справедливости создаются обществом и социальными группами. Постепенно эти представления входят в сознание и проявляются в поведении людей. Для формирования единого понимания справедливости в обществе требуются взаимные уступки различных социальных групп. Поиск компромисса достаточно сложен в современном российском обществе, тогда как поиск общего понятия справедливости уже давно назрел.

Справедливые законы государства, закрепляющие свободу, равенство, которые будут обязательны в первую очередь для государства и государственных органов, – такие законы будут приняты обществом и будут добровольно исполняться. Наличие справедливых законов представляется фундаментом законности и правопорядка.

В отечественной юридической науке некоторые ученые обращали внимание на принцип справедливости. Так, С.С. Алексеев, указывал на главную роль принципа социальной справедливости [Алексеев С.С., 2010: 439]; В.М. Ведяхин и К.М. Ведяхина, рассматривали справедливость во взаимосвязи с другими нравственными принципами в праве [Ведяхин В.М., 2002: 27-28]; С.А. Иванова называла принцип социальной справедливости общим принципом права, который растворяется в массиве гражданского законодательства и составляющими которого являются разумность и добросовестность [Иванова С.А., 2005: 42-47]. При этом И.Л. Честнов приходит к выводу, что определить понятие и содержание принципа справедливости невозможно, так как критерии справедливости весьма различны [Честнов И.Л., 2012: 40].

Принцип справедливости заложен во многих нормативных правовых актах. Применение принципа справедливости предусматривается процессуальными кодексами РФ.

Например, Уголовно-процессуальный кодекс РФ в ст. 297 указывает, что приговор суда должен быть законным, обоснованным и справедливым.¹ Понятие справедливости и соразмерности часто применяется в практике высших судов [Коновалов А.В., 2019: 30].

Справедливость является результатом правового регулирования, которое соответствует нравственным требованиям [Вопленко Н.Н., 2011: 14]. Справедливость в праве проявляется в легитимности юридических норм [Честнов И.Л., 2012: 50].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно сделать вывод, что справедливость относится к нравственным категориям. Однако в современном обществе справедливость стала восприниматься также и как правовая категория. Требования справедливости направлены на обеспечение интересов всех членов общества. Такой социальный компромисс выражен в принятых правовых нормах. Компромисс всех социальных групп выражен в праве, которое признается соответствующим справедливости.

Принцип справедливости должен иметь реальное воплощение в правотворческой и правоприменительной деятельности. Благодаря принципу справедливости право имеет возможность оперативно реагировать на потребности общества. В итоге мы можем сделать вывод, что справедливость в праве заключается в легитимности правовых норм, в признании их обществом, в добровольном сознательном соблюдении права. При этом настоятельно назрела необходимость закрепления принципа справедливости во всех отраслях права.

Библиографический список

Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 №174-ФЗ (ред. от 11.06.2021, с изм. от 17.06.2021 // «Собрание законодательства РФ», 24.12.2001, № 52 (ч. I), ст. 4921. Алексеев С.С. Восхождение к праву. // Собрание сочинений. – М., 2010 – Т.6.

Бабаев В.К. Понятие права. – Н.Новгород: Изд-во ВШ МВД РФ, 2005

Ведяхин В.М., Ведяхина К.В. Понятие и классификация принципов права // Право и политика – 2002 – №4.

Вопленко Н.Н. Понятие и виды юридической справедливости // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. – 2011. – №2 (15).

Графский В.Г. Справедливость и право // Труды Института государства и права РАН. – 2012. – №5

Гурвич Г.Д. Философия и социология права. – СПб, 2004.

Давитадзе М.Д. Право и справедливость. // Вестник Московского университета МВД России. – 2018 – №(4) 134-40.

Иванова С.А. Значение принципа социальной справедливости для гражданского права как отрасли частного права // Современное право. – 2005 – №5 – С. 42-47.

История политических и правовых учений. Учебник для вузов. / Под общей ред. В.С. Нерсесянца. 4-е издание. – И.: Норма, 2004.

Коновалов А.В. Понятие справедливости в гражданском праве // Lex Russica. – 2019. – №8 (153).

Лапаева В.В. Либертарная концепция права В.С. Нерсесянца: научное своеобразие и практическое значение // Философия права в России: история и современность. Материалы третьих философско-правовых чтений памяти академика В.С. Нерсесянца. – М., 2009.

Лившиц Р.З. Теория права. – М.: Бек, 1994.

¹Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 №174-ФЗ (ред. от 11.06.2021, с изм. от 17.06.2021 // «Собрание законодательства РФ», 24.12.2001, № 52 (ч. I), ст. 4921

Макарова З.В. Справедливость в уголовном судопроизводстве // Вестник Южно-уральского государственного университета. – 2012 – №7.

Нерсесянц В.С. Право – математика свободы: Опыт прошлого и перспективы. – М.: Юрист, 1996. – 160 с.

Общая теория государства и права / под ред. Марченко М.Н. – М.: Зерцало, 2014.

Сырых В.М. Логические основания общей теории права. В 3 т. Т.3 Современное правопонимание. – М.: РАП, 2007.

Честнов И.Л. Концепт справедливости в постклассическом правопонимании // Правоведение. – 2012. – №2 (307).

Щербаков В.А. К вопросу о нравственно-правовой сущности категории «справедливость» // Вестник Алтайского государственного университета. 2017. – №4.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

*Ускова Марина Сергеевна,
старший преподаватель кафедры частного и публичного права
Автономной некоммерческой организации высшего
образования «Волгоградский институт бизнеса»
E-mail: advokatuskova@mail.ru*

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ СТРАХОВАНИЯ

Аннотация. В статье предпринимается попытка установления правовой природы страхования. Исследуются различные научные взгляды цивилистов и экономистов на проблематику сущности такого явления, как страхование. Формулируется вывод о том, что страхование представляет собой сложное и многостороннее явление, элементы которого связаны между собой и не могут существовать порознь.

Ключевые слова: страхование; правовой аспект; договор; природа; сущность.

Uskova Marina Sergeevna,
senior lecturer of the
Departments of Private and Public Law
Autonomous non-profit organization of higher
Education «Volgograd Institute of Business»
E-mail: advokatuskova@mail.ru

TO THE QUESTION OF THE LEGAL NATURE OF INSURANCE

Abstract. The article attempts to establish the legal nature of insurance. Various scientific views of civilists and economists on the problems of the essence of such a phenomenon as insurance are being explored. The conclusion is formulated that insurance is a complex and multifaceted phenomenon, the elements of which are interconnected and cannot exist separately.

Keywords: insurance; legal aspect; contract; nature; essence.

С давних времен умы ученых занимает вопрос об определении юридической сути страхования.

Думается, что для начала следует определиться с этимологией слова «страхование».

В основе термина «страхование» лежат латинские слова «securus» (безопасный) и «sine cura» (беззаботный). От данных слов происходит «страхование» в английском языке: «insurance». Если это слово разложить, то получится словосочетание «in»+«sure», – «уверенный». Таким образом, «insure» значит «в уверенности».

В славянских языках слово «страхование» произошло от слов «страсть», «страх», «оцепенение», «страховати» – «подвергать страху, отдавать на чей-нибудь страх, т. е. на чью-нибудь ответственность», иными словами брать на свой страх и риск.

Юридическая природа страхования явилась предметом значительного числа научных трудов, к которым прежде всего следует отнести диссертацию по страхованию «Договор морского страхования по русскому праву» А. Вицына (СПб, 1865 г.) [Вицын А.И., 1865: 124]. В российской научной среде дореволюционного периода истории в сфере страхования несомненно следует выделить профессора П.А. Никольского [Никольский П.А., 1895: 417], выводы и мысли докторской диссертации которого «Основные вопросы страхования» до сих пор служат теоретической базой для доктринальных исследований.

С.Е. Лион отмечал, что «...Всякий собственник, пользуясь всеми выгодами и плодами своей собственности, в тоже время несёт на себе тяжесть риска от случайных ущербов и потерь, могущих постигнуть объект его права собственности. Эта тяжесть есть неизбежное следствие права собственности: риск неразрывно связан с правом собственности, столь же неразрывно, как обратная сторона медали с лицевой. Как же уйти от этого риска? Как снять с себя эту страшную тяжесть? – таков естественный вопрос собственника, которого прихоть слепого случая может одним ударом превратить из богача в нищего... Никто не обязан вознаграждать собственника за убытки случайных потерь: но, спрашивается, не согласится ли кто-либо добровольно взять на себя ту тяжесть риска, которая лежит на собственнике?..» [Лион С.Е., 1892: 4].

По мнению И.И. Степанова, «...Соозначение слова «страхование» таково, что обнимает собой только отклонение страха. Страх же или риск не есть боязнь наступления несчастья, а его последствий. Поэтому и понятие страхования должно быть ограничено только деятельностью, направленной к отклонению последствий несчастья... Страхование отклоняет риск, т.е. последствия несчастья возможного, и поэтому, по самому понятию своему, предполагает средства, заранее и специально предназначенные для отклонения последствий несчастья... Страхование должно быть ограничено только сбережением с целью отклонения последствий несчастья случайного, т.е. такого, которое падет на субъекта по правилу: *casum sentit dominus*...» [Степанов И.И., 1875: 11-12].

Явление страхования многогранно. Поэтому в науке существует множество научных взглядов относительно количества и содержания аспектов страхования. Это обусловлено тем, что страхование представляет собой отрасль, затрагивающую различные стороны общественной жизни.

Так, Е.В. Андреева и О.И. Русакова считают, что оно может быть рассмотрено с нескольких точек зрения: административной, юридической, социальной, организационно-технической, экономической и финансовой. По их пониманию, с административной или управленческой стороны страхование представляет собой «систему мероприятий», «механизм»; с юридической – договор», «правоотношение»; с социальной стороны – «средство защиты», «гарантия экономической безопасности личности в обществе»; с организационно-технической – «хозяйственная операция», «вид хозяйственной деятельности» [Андреева Е.В., Русакова О.И., 2015: 8].

Приведённая точка зрения, на наш взгляд, громоздка: выделение административного аспекта наряду с юридическим представляется излишним, поскольку административный аспект как частный элемент поглощается аспектом юридическим; классификация аспектов на экономический и финансовый также считаем ненужным, так как финансовый аспект – часть экономического; выделение же организационно-технического аспекта как «хозяйственной операции», «вида хозяйственной деятельности» полагаем необоснованно по причине того, что данные категории поглощаются экономическим аспектом.

Другие учёные – Е.Ю. Грачева и О.И. Болтинова – полагают, что страхование можно рассматривать с материальной, экономической и правовой точек зрения. С материальной – это денежные (материальные) фонды страховщиков, используемые для возмещения ущерба, причинённого стихийными бедствиями, несчастными случаями, а также в связи с наступлением определённых событий. С экономической точки зрения – это совокупность экономических отношений по поводу образования, распределения и использования страховых фондов денежных средств, которые необходимы для покрытия непредвиденных расходов. С правовой точки зрения – это совокупность юридических норм, регулирующих отношения по защите имущественных интересов физических и юридических лиц, Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований при наступлении определённых страховых случаев за счёт денежных фондов, формируемых страховщиками из уплаченных страховых премий (страховых взносов), а также за счёт иных средств страховщиков [Грачева Е.Ю., Болтинова О.В., 2011: 4-5].

Но и этот научный подход полагаем несостоятельным в части выделения материальной стороны страхования, которую следует рассматривать как элемент аспекта экономического.

В.Я. Абрамов рассматривает следующие факторы, ставшие причиной возникновения страхования:

- наличие опасностей, способных причинить имущественный либо иной материальный вред, наступление которых невозможно предотвратить (объективный фактор);
- появление у людей опасения за сохранность и сбережение материальных и личных нематериальных благ (субъективный фактор);
- необходимость, а также желание и стремление людей бороться доступными методами и способами с теми опасностями, которые вызывают у них известный страх и опасение от наступления вредоносных последствий (совмещение объективного и субъективного факторов) [Абрамов В.Ю., 2011: 5].

Считаем данное мнение обоснованным, поскольку указанная вышеприведённым автором совокупность факторов является той исторически сложившейся моделью, которая актуальна и в современном мире, ведь основным элементом, из-за которого до сих пор существует и далее будет существовать страхование является субъективный – человеческий фактор.

По мнению В.И. Серебровского, природа страхования заключается в том, что тот «ущерб, который данное хозяйство или человек могут понести от известной опасности, распределяется между несколькими хозяйствами или группами людей... Этот результат достигается тем, что те лица, которым угрожает какая-нибудь опасность, делают на случай наступления определённой опасности... известные денежные отчисления, из коих постепенно составляется тот фонд, из которого впоследствии выплачивается вознаграждение потерпевшему» [Серебровский В.И., 1997: 275].

Данный взгляд В.И. Серебровского основан на «теории эвентуальной потребности», выработанной учёным Гобби – основоположником итальянской экономической школы, согласно которой назначение страхования в обеспечении будущей случайной потребности человека в деньгах, предназначенных для устранения последствий вреда.

К.А. Граве и Л.А. Лунц под страхованием в широком смысле слова понимали прежде всего совокупность мероприятий по созданию ресурсов материальных и (или) денежных средств, за счет которых производится исправление вреда, восстановление потерь в общественном хозяйстве при стихийных бедствиях или несчастных случаях [Граве К.А., Лунц Л.А., 1960: 3].

Таким образом, следует заключить, что страхование соединяет в себе социальный, экономический и правовой аспекты: в социальном смысле оно порождено естественной потребностью каждого человека сохранить своё имущество, экономический аспект наполняет его содержание, а правовой создаёт его форму.

Юридический аспект страхования является предметом исследования умов многих учёных, немалая часть которых пытается объединить все теоретические направления для выработки единого общего понятия страхования, применимого ко всем его видам.

Одни авторы предложили определить страхование как договор. Так, Г.Ф. Шершеневич указывал, что страхование представляет собой договор, в силу которого одно лицо – страховщик за условленную плату обязуется возместить другому лицу – страхователю убытки, какие может понести имущество последнего от предусмотренного соглашением несчастья [Шершеневич Г.Ф., 2018: 285].

Данной теорией учёные-юристы стремились отграничить самострахование, которое бытовало на ранней стадии возникновения страхования, и собственно страхование.

Однако осуществление самострахования лицами, не являющимися профессиональными участниками страхового рынка (страховщиками), не позволяет в полной мере обеспечить свои имущественные интересы путём такого запасного капитала, хранение которого происходит, как правило, пассивно, без какого-либо инвестиционного или процентного дохода.

Данные обстоятельства породили потребность общества в стабильных страховых правоотношениях, обеспечить которые мог только договор между лицом, имеющим имущественный интерес в сохранении (сбережении) имущества, и профессиональным участником страхового рынка. Это способствовало разработке теории страхового договора, в которой были выделены признаки природы страхования:

- возмездный характер;
- целевое назначение страхования, которое заключается в покрытии убытков;
- свойство убытков, которые должны возникнуть случайно.

Думается, что указанные признаки – зеркальное отражение эвентуальной потребности, поскольку страхование призвано покрывать убытки.

В конечном итоге с юридической точки зрения российский законодатель в статье 2 Закона РФ «Об организации страхового дела в РФ» от 27.11.1992 № 4015-1 определил страхование следующим образом: страхование – отношения по защите интересов физических и юридических лиц, Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований при наступлении определённых страховых случаев за счёт денежных фондов, формируемых страховщиками из уплаченных страховых премий (страховых взносов), а также за счёт иных средств страховщиков.

Рассматривая правовую природу страхования, следует отметить, что страховое правоотношение, как и любое другое гражданско-правовое отношение, кроме общеправовых обладает и специальными признаками, свойственными только страхованию. Речь идёт об исторически сложившихся элементах, составляющих внутреннюю структуру страхования. Именно поэтому В.С. Белых и И.В. Кривошеев, полагая, что теория и практика выработали для страхового правоотношения такие понятия, как «страховой интерес»,

«страховой случай», «страховой риск», «страховая выплата», «страховой взнос» и т.д., вполне обоснованно относят эти элементы к особенностям страховых правоотношений [Белых В.С., Кривошеев И.В., Митричев И.А., 2009: 16].

Таким образом, страхование представляет собой сложное и многостороннее явление, элементы которого связаны между собой и не могут существовать порознь.

Думается, что взаимосвязь между экономической и юридической сущностью страхования удачно охарактеризовал Л.И. Рейтман, отмечая, что для практического осуществления страхования, для приведения его в действие необходимы индивидуальные конкретные страховые отношения с каждым страхователем. Это становится возможным только с помощью законодательных и подзаконных актов, ведомственных инструкций и методических материалов, которые призваны регулировать указанные страховые отношения. Хотя страхование предполагает тесную экономическую взаимосвязь между всеми страхователями, юридической взаимосвязи между последними нет. Она может проявляться только в индивидуальных правоотношениях страховщика с каждым страхователем. Другими словами, экономические страховые отношения при их практической реализации должны принимать юридическую форму [Рейтман Л.И., Коломин Е.В., Плешков А.П., 1992: 15].

Библиографический список

Абрамов В.Ю. Проблемы правового регулирования страховой деятельности в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 421 с.

Андреева Е.В., Русакова О.И. Страховая деятельность и ее регулирование на современном страховом рынке. Иркутск: изд-во БГУЭП, 2015. 158 с.

Белых В.С., Кривошеев И.В., Митричев И.А. Страховое право России: учебное пособие. М.: Норма, 2009. 352 с.

Вицын А.И. Договор морского страхования по русскому праву. СПб.: В типографии Н. Тиблена и комп., 1865. 124 с.

Граве, К.А., Лунц, Л.А. Страхование. М.: Госюриздат, 1960. 175 с.

Грачева Е.Ю., Болтинова О.В. Правовые основы страхования. М.: Проспект, 2011. 234 с.

Лион С.Е. Договор страхования по русскому праву. М.: Товарищество «Печатня С.П. Яковлева», 1892. 81 с.

Никольский П.А. Основные вопросы страхования. Казань.: типо-литография Императорского университета, 1895. 417 с.

Серебровский В.И. Избранные труды по наследственному и страховому праву. М., 1997. С. 275.

Степанов И.И. Опыт теории страхового договора. Казань: унив. тип., 1875. 228 с.

Страховое дело: учебник / Рейтман Л.И., Коломин Е.В., Плешков А.П. и др.; под ред. Рейтмана Л.И. М.: Банк.и биржевой науч.-кон-сульт.центр, 1992. 524 с.

Шершеневич Г.Ф. Курс торгового права в 4 т. Том 2. Товар. Торговые сделки / Г.Ф. Шершеневич. М.: издательство Юрайт, 2018. С. 285.

**НОВЫЕ
ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ
ФОРМЫ ХОЗЯЙСТВЕННОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

*Минькеев Очир Дмитриевич,
Ассистент кафедры гражданского права и процесса
факультета управления и права
«Калмыцкий государственный университет
им. Б.Б. Городовикова»
E-mail: ochir91@mail.ru*

ПОНЯТИЕ И СТРУКТУРА КЛАСТЕРНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Аннотация. В статье аргументируется положение о том, что правовая сущность кластера проявляется в рамках правовой конструкции – правоотношения. Автором проведен анализ опыта накопленных знаний в изучаемой области, по результатам которого сформулировано понятие «кластерные правоотношения».

Вносятся предложения по совершенствованию законодательства в исследуемой сфере.

Ключевые слова: правоотношение, кластер, инвестиционная деятельность, структура правоотношения.

UDC 340.114
БКК 67.0

DOI: 10.53315/2949-1193-2022-1-1-70-76

Minkeev OchirDmitrievich,
Assistant of the Department of Civil Law and Process
of Kalmyk state University named after B.B. Gorodovikova
E-mail: ochir91@mail.ru

THE CONCEPT AND STRUCTURE OF CLUSTER LEGAL RELATIONS

Abstract. The article argues the position that the legal essence of the cluster is manifested within the framework of the legal structure – legal relationship. The author analyzed the experience of accumulated knowledge in the area under study, the results of which formulated the concept of “cluster legal relations”.

Proposals are made to improve legislation in the area under study.

Keywords: legal relationship, cluster, investment activity, legal relationship structure.

Актуальность темы публикации предопределена современным этапом решения задач по обеспечению устойчивого развития экономики в условиях внешнесанкционного давления, обуславливающим интерес к вопросам правовой сущности кластеров.

Президент России Владимир Путин в ходе пленарного заседания ПМЭФ-2022 акцентировал внимание на том, что для прорывного развития страны необходимо развивать кластерный подход (Путин, <https://4s-info.ru/2022/06/18/putin-aktsentiroval-vnimanie-na-vazhnosti-klaster-nogo-podhoda-kotoryj-ranee-predlagalsya-dlya-razvitiya-sibiri/>). Представляется, что реализация указанных положений должна осуществляться не только в Российской Федерации, но и в ее субъектах.

Правовая сущность кластера проявляется в рамках устойчивой гражданско-правовой конструкции – правоотношения. При помощи этой правовой категории достигаются цели деятельности кластера и регулируется поведение его участников. Вместе с тем кластерные правоотношения цивилистической наукой в достаточной степени не изучены и требуют дополнительного исследования. Это является целью публикации. Для ее достижения необходимо решить следующие задачи: 1) сформулировать понятие «кластерные правоотношения» и выявить его структуру; 2) внести предложения по совершенствованию законодательства в исследуемой сфере деятельности.

Для решения первой задачи обратимся к работам, посвященным исследованию кластеров в России, а также проанализируем правовой режим законодательно закрепленных кластеров. В качестве таковых объектов будут выступать промышленный кластер, международный медицинский кластер, кластер, представляющий собой совокупность особых экономических зон одного типа или нескольких типов.

При решении задачи настоящего исследования необходимо отталкиваться от сущностного понимания категорий «кластер» и «правоотношение», представленных в нормативных правовых актах и выступающих в качестве предмета научных исследований.

Термин «кластер» имеет иностранное происхождение, которое означает кисть, гроздь, скопление, концентрация, группа [Адамова К.З., 2008: 129].

В настоящее время отсутствует единое законодательно предусмотренное определение понятия «кластер», что создает предпосылки для возникновения правовой неопределенности.

Например, Федеральный закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» (ст.2) и Федеральный закон от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» (ст.3) используют понятие «кластер» в разных значениях. В первом случае кластер считается совокупностью особых экономических зон одного типа или нескольких типов, являющиеся частью территории Российской Федерации, на которой действует особый режим осуществления предпринимательской деятельности. Во втором случае промышленный кластер представляет собой совокупность субъектов деятельности в сфере промышленности, связанных отношениями в указанной сфере вследствие территориальной близости и функциональной зависимости и размещенных на территории одного субъекта Российской Федерации или на территориях нескольких субъектов Российской Федерации.

Таким образом, законодательством предусмотрен дифференцированный подход к понятию кластера, под которым одновременно может пониматься как совокупность территорий с особым правовым режимом, так и совокупность субъектов, занимающихся определенной деятельностью.

В рамках решения первой задачи предлагается выявить квалифицирующие признаки кластера.

А.А. Егорова в своей работе, посвященной изучению кластера как особого правового режима привлечения инвестиций в экономику региона, указывает на то, что кластер представляет собой совокупность субъектов, объединенных по принципу территориальной близости, и взаимодействующих между собой [Егорова А.А., 2019: 63]. Поморцев К.И., исследуя правовое положение кластера, определяет его как вид предпринимательского объединения [Поморцев К.И., 2021: 6].

Под предпринимательским объединением ученые понимают объединение двух и более коммерческих организаций и (или) индивидуальных предпринимателей, между которыми существует экономическая и (или) организационная зависимость в форме участия в уставном (паевом, складочном) капитале (фонде) и (или) управлении хозяйственной деятельностью, образованное в целях защиты общих интересов, координации усилий в разрешении сложных проблем, реализации проектов и целевых программ и проводящее единую экономическую политику [Лаптев В.А., 2008: 38].

Полагаем, что кластер как объединение не может ограничиваться участием только субъектов предпринимательской деятельности, поскольку круг участников гражданского оборота значительно шире.

Например, С.Ю. Мычка рассматривает кластер как форму интеграции науки, бизнеса и образования. Успешное развитие кластера названный ученый связывает с определением стратегии развития, созданием программы, позволяющей реализовать консолидированные интересы работодателей, бизнеса, органов власти, а также всех входящих в кластер элементов (финансовых учреждений, социальных и образовательных учреждений, учреждений культуры и т.п.) [Мычка С.Ю., 2014: 10].

Возможность участия некоммерческих организаций в кластерах подтверждается субъектным составом промышленного кластера. Так, специализированная организация промышленного кластера, заключившая соглашение о создании промышленного кластера, может обладать правовым статусом некоммерческой организации, осуществляющей методическое, организационное, экспертно-аналитическое и информационное сопровождение развития промышленного кластера.

Аналогичный правовой статус присущ управляющей компании международного медицинского кластера, на которую возлагаются функции по осуществлению методического, организационного, экспертно-аналитического и информационного обеспечения деятельности международного медицинского кластера.

Таким образом, субъектный состав кластера представляется шире субъектного состава предпринимательского объединения.

Учитывая изложенное, участники кластера обладают самостоятельной правосубъектностью и несут самостоятельную ответственность по своим обязательствам в гражданском обороте, по общему правилу независимую от ответственности других участников.

Кроме того, как отмечает К.И. Поморцев, целью договорных связей участников кластера может быть в том числе выполнение социально значимых и общественно полезных задач (программ) [Поморцев К.И., 2021: 159].

Например, целями деятельности международного медицинского кластера являются развитие медицинской деятельности по оказанию медицинской помощи, повышения ее качества, содействия разработке лекарственных препаратов для медицинского применения, медицинских технологий и медицинских изделий, развития образовательной деятельности и проведения научных исследований в сфере охраны здоровья, а также в целях развития международного сотрудничества в указанной сфере деятельности [Шипова Е.А., 2019: 25].

При этом отношения между участниками медицинского кластера возникают в связи с реализацией проекта, который представляет собой совокупность мероприятий, направленных на достижение целей деятельности международного медицинского кластера.

Подводя промежуточные итоги, предлагается выделить следующие квалифицирующие признаки кластера: 1) объединение участников гражданского оборота, основанное на заключении соглашения о создании кластера; 2) общность цели, выражающаяся в прямом или косвенном участии в реализации проекта, который может носить как коммерческий, так и некоммерческий характер; 3) самостоятельность и равноправность участников кластера.

В научных исследованиях устанавливается, что правоотношение: 1) представляет собой разновидность общественного отношения; 2) урегулировано нормами права; 3) охраняется государством; 4) возникает между субъектами права; 5) характеризуется наличием субъективных прав и юридических обязанностей его участников [Шипова Е.А., 2019: 25].

На основе проведенного исследования можно сформулировать определение кластерных правоотношений. Кластерные правоотношения – это урегулированное нормами права отношение, существующее в форме юридической связи между участниками кластера, возникающее по поводу реализации проекта (коммерческого, некоммерческого), выражающееся в наличии субъективных прав и обязанностей таких субъектов, гарантированное мерой государственного принуждения.

Это понятие позволяет определить структуру искомого правоотношения: 1) субъекты правоотношения; 2) объект правоотношения; 3) содержание – субъективные права и юридические обязанности субъектов.

В рамках настоящего исследования предлагается детализировать данную структуру на примере промышленного кластера.

Предпринимательская сущность промышленного кластера означает, что участниками складывающихся отношений являются не только субъекты деятельности в сфере промышленности (юридические лица, индивидуальные предприниматели, осуществляющие деятельность в сфере промышленности), но и другие лица, участвующие в механизме его правового регулирования.

Например, высший исполнительный орган государственной власти субъекта Российской Федерации, на территории которого осуществляют свою деятельность участники промышленных кластеров и расположена инфраструктура промышленного кластера, обладает полномочием по прекращению деятельности промышленного кластера посредством расторжения со специализированной организацией промышленного кластера соглашения о создании этого кластера.

Другим примером, влияющим на возможность прекращения деятельности кластера, может служить исключение Министерством промышленности и торговли Российской Федерации сведений о промышленном кластере и специализированной организации промышленного кластера из реестра промышленных кластеров и специализированных организаций промышленных кластеров в случае их несоответствия требованиям, установленным постановлением Правительства Российской Федерации от 31 июля 2015 г. № 779.

Следовательно, полагаем необходимым вместо категории «субъект кластера» использовать категорию «участник кластера», которая по своему объему является более широкой, поскольку включает в себя лиц, участвующих в механизме его правового регулирования.

Объекты исследуемого правоотношения («проект кластера»), будучи разновидностью объектов гражданских прав, характеризуются сложным составом. Так, к объектам относятся промышленная продукция (товары), произведенная участниками промышленного кластера в результате осуществления деятельности в сфере промышленности,

а также работы и услуги производственного характера, которые необходимы для производства промышленной продукции. К ним относятся в том числе операции по подготовке производства, обработке сырья (материалов), осуществлению контроля за соблюдением технологических процессов, техническому обслуживанию основных средств и других подобных операций.

Содержанием кластерных правоотношений являются субъективные права и юридические обязанности их участников.

Субъективное право представляет собой меру дозволенного поведения ее участников, которое реализуется, например, посредством участия в разработке программы развития промышленного кластера и формировании функциональной карты промышленного кластера, участия в проведении мероприятий, обеспечивающих реализацию программы развития промышленного кластера.

Юридическая обязанность в отличие от субъективного права представляет собой меру необходимого (должного) поведения участников кластерных правоотношений, в том числе и отношений договорного характера [Шаронов С. А., 2014: 270]. В исследуемой сфере правоотношений можно выделить две формы исполнения обязанности. Первая форма обусловлена необходимостью соответствия участников кластера установленным законодательством требованиям. Вторая форма исполнения обязанности выражается в производстве промышленной продукции и (или) участии в производстве промышленной продукции в рамках промышленного кластера или организации производства промышленной продукции и (или) участии в производстве промышленной продукции в рамках промышленного кластера.

Сформулированное понятие и предложенная структура правоотношения является решением первой задачи настоящего исследования.

На основе сделанных выводов предлагается в целях обеспечения комплексного правового регулирования кластерных правоотношений, которое позволит обеспечить развитие кластерного подхода при решении вопросов развития экономики страны в целом и Республики Калмыкия в частности, разработать проект Федерального закона «О кластерах в Российской Федерации», закрепив в нем понятия структурных элементов кластерных правоотношений – «участник кластера», «проект кластера», «права и обязанности участников кластера».

Библиографический список

Адамова К.З. Кластеры: понятие, условия возникновения и функционирования // Вестник СГТУ. 2008. №1. С. 129.

Егорова А.А. Кластеры, технологические и индустриальные парки как особые правовые режимы привлечения инвестиций в экономику региона // Право и экономика. 2019. № 4. С. 63.

Лаптев В.А. Предпринимательские объединения: холдинги, финансово-промышленные группы, простые товарищества. Москва, 2008. 176 с.

Мычка С.Ю. Кластер как приоритетная форма интеграции науки, бизнеса и образования // Территория науки. 2014. № 3 С. 10.

Поморцев К.И. Формы предпринимательских объединений: от вертикали до горизонта // Юрист. 2017. № 6. С. 46.

Поморцев К.И. Кластер как правовая категория // Российский юридический журнал. 2021. № 6. С. 159.

Шаронов С.А. Понятие и структура правоотношения охранной деятельности // Вестник Калмыцкого университета. 2014. № 1 (21). С. 53.

Шаронов С. А. Юридическая обязанность охранной организации в контексте исполнения обязательств по договору охраны // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2014. № 3. С. 269-272.

Шипова Е.А. Медицинские кластеры как субъекты обработки генетической информации // Конкурентное право. 2019. № 2. С. 25.

ВОПРОСЫ ГРАЖДАНСКОГО И АРБИТРАЖНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Кайль Янина Яковлевна,
доцент, кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
Волгоградского института управления –
филиала Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
г. Волгоград

E-mail: fip@vlgr.ranepa.ru

Усанова Виктория Александровна,
кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой финансового и предпринимательского права
Волгоградского института управления –
филиала Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
г. Волгоград

E-mail: fip@vlgr.ranepa.ru

ПОДСУДНОСТЬ ДЕЛ С УЧАСТИЕМ САМОЗАНЯТЫХ ГРАЖДАН

Аннотация. В статье поднимается проблема отнесения дел с участием самозанятых граждан к ведению конкретного суда. Авторами исследуется существующее законодательное состояние отнесения дел к суду общей юрисдикции и арбитражных судов. Анализируется правоприменительная практика с участием самозанятого гражданина. В статье предложены перспективы изменения законодательства Российской Федерации.

Ключевые слова: самозанятые граждане, компетенция, правосудие, суд общей юрисдикции, арбитражный суд, экономическая деятельность, предпринимательская деятельность.

UDC 347
БКК 67

DOI: 10.53315/2949-1193-2022-1-1-78-84

Kail Yanina Yakovlevna,
Associate Professor, PhD in Law,
Associate Professor at the Department of Civil
Law Disciplines of the Volgograd Institute
of Management – Branch of the Russian Academy of
National Economy and Public Administration under
the President of the Russian Federation, Volgograd
E-mail: fip@vlgr.ranepa.ru

Usanova Victoria Alexandrovna,
PhD in Law, Associate Professor;
Head of the Department of Financial and Business Law,
Volgograd Institute of Management – a branch of the
Russian Academy of National Economy and
Public Administration under the President
of the Russian Federation, Volgograd
E-mail: fip@vlgr.ranepa.ru

JURISDICTION OF CASES INVOLVING SELF-EMPLOYED CITIZENS

Abstract. In article the problem of attribution of cases with participation of the self-engaged citizens to jurisdiction of the concrete court is raised. The authors study the existing legislative condition of reference of cases to the courts of general jurisdiction and arbitration courts. The law enforcement practice with participation of the self-employed citizen is analyzed. In article prospects of change of the legislation of the Russian Federation are offered.

Keywords: self-employed citizens, competence, justice, court of general jurisdiction, arbitration court, economic activity, entrepreneurial activity.

Достаточно давно в правоприменительной практике России категория «самозанятый» широко востребована. Вместе с тем должного законодательного закрепления она так и не получила. Отсутствует единство понимания содержания данного термина, требований к данным лицам и правилам их деятельности. Самозанятыми гражданами именуют индивидуальных предпринимателей, оценщиков, адвокатов, нотариусов, арбитражных управляющих, патентных поверенных, медиаторов, репетиторов, сиделок, нянь, а также плательщиков налога на профессиональный доход (далее по тексту – НПД) и иных лиц. Их спектр достаточно широк и нормативно четко не определен.

Квazилегальное понятие самозанятого появилось в Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в РФ до 2030 г. [Распоряжение Правительства РФ от 02.06.2016 N 1083-р]. Самозанятый определен как гражданин, осуществляющий приносящую доход деятельность и не зарегистрированный в качестве индивидуального предпринимателя. Представляется весьма странным, что правоприменитель опирается в данном определении не на предпринимательскую деятельность, а на деятельность приносящую доход.

В связи с отсутствием в Гражданском кодексе РФ официального определения приносящей доход деятельности допустимо по аналогии использовать понятие, закрепленное в ст. 24 Федерального закона от 12.01.1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях». Путём буквального толкования нормы можно выявить, что под приносящей доход деятельностью понимается «приобретение и реализация ценных бумаг, имущественных и неимущественных прав, участие в хозяйственных обществах и участие в товариществах на вере в качестве вкладчика».

Однако данное определение противоречит официальным правилам, установленным на сайте Федеральной налоговой службы. На ресурсе при исполнении своих полномочий по ведению реестра плательщиков НПД и их статистике ФНС использует термин «самозанятый» [Налог на профессиональный доход: «URL» <https://npd.nalog.ru/>]. К категории «самозанятых» ФНС относит плательщиков НПД, среди которых могут быть индивидуальные предприниматели, государственные и муниципальные служащие (имеющие доход от сдачи внаём жилой недвижимости). Самозанятыми называют налоговые органы и физических лиц, осуществляющих деятельность по оказанию услуг физическим лицам для личных, домашних и (или) иных подобных нужд (внутри статистических документов такие граждане именуются самозанятыми) [https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/selfemployed/].

Представляется более правильным при выявлении содержания категории «самозанятый» исходить из понятия занятости. Соответственно в данном случае именно в статье 1 Закона РФ от 19.04.1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в РФ» лежит «ключ» к сущности самозанятости. Занятость в законе определена как «деятельность граждан, связанная с удовлетворением личных и общественных потребностей, не противоречащих законодательству РФ и приносящая, как правило, им заработок, трудовой доход».

Проанализировав статью 2 Закона РФ «О занятости населения в Российской Федерации», которая называется «Занятые граждане», можно сделать вывод, что имеются три группы самозанятых граждан, хотя представляется, что данный подход требует корректировки.

В первую группу отнесены индивидуальные предприниматели, нотариусы, адвокаты, учредившие адвокатский кабинет, иные лица, чья профессиональная деятельность в соответствии с законодательством подлежит государственной регистрации и (или) лицензированию.

Ко второй группе можно отнести занятых в подсобных промыслах (народных художественных промыслах, личных подсобных хозяйствах и пр.) и реализующих продукцию по договорам.

В третью группу можно отнести лиц, выполняющих работы и оказывающих услуги по договорам гражданско-правового характера, авторским договорам.

Однако на сегодняшний день данная классификация не соответствует критериям «самозанятых» по Федеральному закону от 27.11.2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»».

То есть подход Правительства РФ в Стратегии развития малого и среднего предпринимательства до 2030 г. не соответствует Закону РФ «О занятости населения в РФ» и практике ФНС России в определении и использовании категории «самозанятый», что требует должной доктринальной проработки и соответствующего законодательного закрепления.

Ключевыми признаками определения понятия самозанятости в действующем законодательстве должны стать: деятельность на основании гражданско-правовых договоров, отсутствие трудовых отношений с кем-либо в качестве работника и работодателя при осуществлении этой деятельности, направленность на систематическое получение доходов.

Закрепление сущности самозанятости необходимо в связи с тем, что активное участие данных лиц в гражданском обороте и хозяйственной деятельности страны приводит к возникновению конфликтных ситуаций и экономических споров, требующих своевременного и профессионального разрешения.

Ввиду терминологической неопределенности категория самозанятых в настоящее время остается довольно проблемной с точки зрения урегулирования их статуса как участника процессуальных правоотношений, в которых он является стороной спора. Возникает вопрос о том, в какой суд самозанятые граждане должны обращаться: в суд общей юрисдикции как граждане или как лица, занимающиеся предпринимательской деятельностью, в арбитражный суд.

К сожалению, практика такова, что самозанятым гражданам отказывают в рассмотрении споров с их участием в арбитражном суде даже при возникновении экономического спора. Мотивы, по которым им отказывают, следующие. Законодательством определено, что арбитражные суды разрешают не только экономические споры, но и иные дела, прямо отнесенные к их компетенции Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации и другими федеральными законами.

В соответствии со ст. 6 АПК РФ законность при рассмотрении дел арбитражным судом обеспечивается правильным применением законов и иных нормативных правовых актов, в том числе правил о судопроизводстве в арбитражных судах.

Если арбитражный суд рассмотрит дело с нарушением правил компетенции, это не будет отвечать требованию справедливого правосудия, поскольку суд, не уполномоченный на рассмотрение дела, не является, по смыслу ч. 1 ст. 46 и ч. 1 ст. 47 Конституции Российской Федерации, законным судом, а принятые в результате такого рассмотрения судебные акты не обеспечивают гарантии прав и свобод в сфере правосудия.

Критериями отнесения того или иного дела к ведению арбитражных судов являются следующие обстоятельства: во-первых, характер заявленного требования (согласно ч. 1 ст. 27 АПК РФ – экономический); во-вторых, четко установленный законом субъектный состав участников спора (ч. 2 ст. 27 АПК РФ) [Кайль Я.Я. 2021: 43].

Арбитражные суды разрешают экономические споры и рассматривают иные дела с участием:

- организаций, являющихся юридическими лицами;

- граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица и имеющих статус индивидуального предпринимателя;
- в случаях, предусмотренных АПК РФ и иными федеральными законами, с участием Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, должностных лиц, образований, не имеющих статуса юридического лица;
- граждан, не имеющих статуса индивидуального предпринимателя.

Применяя п. 1 ч. 1 ст. 129 АПК РФ, суд возвращает иски самозанятым гражданам, так как их деятельность не является предпринимательской либо экономической. Например, П.В. Пономарев, подавая апелляционную жалобу на непринятие его дела арбитражным судом, мотивировал ее тем, что, являясь самозанятым лицом, уплачивающим налог с профессионального дохода, фактически занимается предпринимательской деятельностью, которая не требует регистрации, получая систематическую прибыль¹.

Основным критерием отнесения дел к компетенции арбитражного суда является характер заявленного требования, так как в некоторых случаях прямо предусмотренных в ч. 6 ст. 27 АПК РФ дела даже с участием физических лиц, не занимающихся предпринимательской деятельностью, будут рассматриваться в арбитражном суде (например, банкротство самозанятого гражданина). Также показательным может являться пример, когда физическому лицу в ФНС откажут в регистрации его в качестве индивидуального предпринимателя, то такой отказ необходимо будет обжаловать по правилам ч. 6 ст. 27 АПК РФ, хотя он является всего лишь физическим лицом и пока не занимается предпринимательской деятельностью.

В данном случае значимым обстоятельством выступает тот факт, что, во-первых, он собирается заниматься предпринимательской деятельностью, во-вторых, он как субъект указан прямо в АПК РФ. Следовательно, законодатель такую категорию спора прямо отнес к компетенции арбитражного суда, пренебрегая обоими критериями – лицо еще не занимается, а только планирует заниматься предпринимательской деятельностью и фактически является просто гражданином – физическим лицом.

Следовательно, для того, чтобы самозанятый стал полноправным участником споров, рассматриваемых по правилам АПК РФ ему необходимо доказать, что он является субъектом предпринимательской деятельности. Как показывает арбитражная практика и разъяснения вышестоящих судов, если ему это сделать не удастся, то есть только один вариант – это внесение дополнений в ст. 27 в ч. 6 АПК РФ, в которой будет указан еще один субъект – физическое лицо – самозанятый гражданин. Таким образом, самозанятый сможет стать истцом и ответчиком в арбитражном суде при условии, что такие иски заявлены по требованиям, вытекающим из предпринимательской деятельности.

Следовательно, может возникнуть дифференциация, когда одни споры с участием самозанятого (плательщика НПД) будут рассматриваться в суде общей юрисдикции, а другие – в арбитражном суде. Такая практика действует с индивидуальными предпринимателями и юридическими лицами – градация происходит именно по характеру спорного правоотношения, а не по разграничению на физическое лицо и юридическое.

В настоящее время законодатель не отождествляет понятия «самозанятости» и предпринимательской деятельности, что исключает возможность рассмотрения споров в арбитражном суде с участием самозанятых граждан в отсутствие статуса индивидуального предпринимателя.

Существующая модель рассмотрения дел между арбитражным судом и судом общей юрисдикции («ч. 4 ст. 22 ГПК РФ, ч. 7 ст. 27 АПК РФ») сводится к тому, что в арбитражном суде судятся «чистые предприниматели», а в суде общей юрисдикции все остальные.

¹Постановление Арбитражного суда Республики Коми от 26 июля 2021 г. по делу № А29-6250/2021

Такой перекося, по мнению законодателя и правоприменителя, может быть смещен в такую сторону лишь с одной целью – упростить доказывание и рассмотрение дел в более лояльном суде – суде общей юрисдикции, в котором более благосклонно относятся к его участникам и помогают истребовать доказательства и доказывать свои требования и возражения. Послаблением в районном и мировом суде следует отметить и необязательное участие профессионального представителя (ст. 49 ГПК РФ) в отличие от арбитражного суда (ст. 59 АПК РФ), что ведет к упрощению доступа к правосудию и снижает затраты на рассмотрение дела.

Облегчая, так сказать, участь самозанятых, упускается из виду очень важный аспект – арбитражные суды осуществляют экономическое правосудие, следовательно, специализируются именно на особенностях рассмотрения экономических споров.

Перекалывание дел с участием данной категории лиц на суды общей юрисдикции увеличивает, с одной стороны, количество споров для них, и не дает, с другой стороны, самозанятым гражданам возможности рассмотрения экономических споров в специально созданной для это судебной системе арбитражных судов.

Отнесение дел с участием самозанятого к компетенции судов общей юрисдикции снижает для предпринимателей привлекательность заключения с ним договоров, поскольку он рассматривается как неполноценный участник предпринимательских отношений. Предприниматели предпочитают выяснять отношения с равными себе и разрешать возникающие споры в арбитражном суде.

На основании проведенного исследования предлагается изменить нормы как материального, так и процессуального права. В частности, внести изменения в статью 1 Закона РФ от 19.04.1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в РФ» в части определения самозанятости. Признать, что самозанятость – это вид предпринимательской деятельности, направленной на систематическое получение прибыли от использования имущества, продажи товаров, произведённых самостоятельно, оказания услуг или продажи товаров без привлечения иных физических лиц на основании трудового договора. Необходимо законодательно провести разграничение самозанятых и лиц, являющихся плательщиками налога на профессиональный доход. Самозанятыми не должны признаваться государственные и муниципальные служащие, являющиеся плательщиками НПД с доходов от сдачи внаём жилой недвижимости. Следовательно, стоит разделять самозанятых на две большие группы и применять к ним разные правила о подсудности споров с их участием в зависимости от наличия или отсутствия предпринимательской составляющей.

Кроме того, необходимо дополнить ч. 6 ст. 27 АПК РФ следующим содержанием: «Арбитражные суды разрешают экономические споры и рассматривают иные дела с участием самозанятых граждан». Естественно, что такое изменение должно коснуться именно тех самозанятых граждан, которые в качестве основной своей деятельности избрали осуществление предпринимательской деятельности. Такое изменение не должно коснуться тех, кто занимается, например, частной практикой [Усанова, 2020: 310], а именно – адвокатов, нотариусов и других лиц. И, как показывает анализ судебной практики, проведенной за последние 10 лет, дела с участием адвокатов в качестве стороны спора, как учредивших адвокатский кабинет, так и адвокатов, состоящих в адвокатском образовании, не рассматриваются в арбитражном суде¹. Отношения между адвокатом и доверителем определяются как носящие не экономический характер, а гражданско-правовой в сфере оказания услуг². Такие дела рассматриваются только в суде общей юрисдикции именно

¹Определение Арбитражного суда города Москвы от 19 июня 2013 г. по делу № А40-38621/2013 // <https://sudact.ru/arbitral/doc/zFfWQ8YAJNln/>

²Решение Арбитражного суда Ростовской области от 26 сентября 2019 г. по делу № А53-15706/2019 // <https://sudact.ru/arbitral/doc/J4VIKSTiGpUv/>

потому, что целью деятельности последних является обеспечение реализации конституционного права на защиту прав и свобод граждан, а не извлечение прибыли.

Статус самозанятого гражданина выпал из поля зрения законодателя. Его положение не четко определяется в материальном праве и не регулируется должным образом в процессуальном законодательстве. Следовательно, необходимо такую неточность устранить и наделить самозанятого возможностью обращаться по экономическим спорам в экономический суд. Такое изменение позволит рассматривать все экономические дела высоко квалифицировано и единообразно.

Библиографический список

Кайль Я. Я. Гражданский процесс : учебник/Ян.Я. Кайль. – Москва: КноРус, 2021. – 480 с. – (Бакалавриат и специалистет). ISBN 978-5-406-08143-3

Усанова В.А. Конституционные основы частной практики в Российской Федерации// Российский конституционализм: история, настоящее и будущее (к 100-летию первой российской Конституции (1918 г.) и 25-й годовщине принятия Конституции Российской Федерации (1993 г.)). Материалы III Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященная Дню юриста (г. Курган, 4 декабря 2018 года). Отв. ред. Е.П. Чорновол, И.Н. Бородина. – Курган : Изд-во Курганского гос.ун-та, 2020. – 382 с. [Электронное издание]. С 308-315.

*Рубеко Георгий Леонидович,
кандидат юридических наук,
заведующий кафедрой уголовного права и процесса
«Калмыцкий государственный университет
им. Б.Б. Городовикова»*

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ АСПЕКТАХ ПРИМЕНЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В РОССИЙСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. В статье исследуются вопросы, связанные с применением информационно-цифровых технологий в отдельных видах судопроизводства. В частности, анализируются проблемы, которые препятствуют широкому применению информационно-цифровых технологий в судопроизводстве. Рассмотрены некоторые особенности применения информационных технологий в различных видах судопроизводства. Внесены авторские предложения по повышению эффективности внедрения информационно-цифровых технологий. В частности рассмотрены перспективы, связанные с возможным переводом материалов уголовного дела в электронную форму («электронное уголовное дело»).

Ключевые слова: судопроизводство, информационно-цифровые технологии в судопроизводстве, электронное уголовное дело.

UDC 340.114
БКК 67.0

DOI: 10.53315/2949-1193-2022-1-1-85-92

*Rubeko Georgy Leonidovich,
candidate of law, associate professor
of the Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov,
Elista, Russia
E-mail: rubekohome@yandex.ru*

ON CERTAIN ASPECTS OF THE USE OF INFORMATION AND DIGITAL TECHNOLOGIES IN RUSSIAN LEGAL PROCEEDINGS

Abstract. The article examines issues related to the use of information and digital technologies in certain types of legal proceedings. In particular, the problems that prevent the widespread use of information and digital technologies in legal proceedings are analyzed. Some features of the application of information technologies in various types of legal proceedings are considered. The author's proposals have been made to improve the efficiency of the implementation of information and digital technologies. In particular, the prospects associated with the possible transfer of criminal case materials into electronic form ("electronic criminal case") are considered.

Keywords: legal proceedings, information and digital technologies in legal proceedings, electronic criminal case.

Одним из важных вопросов современной повестки дня в сфере права является повышение уровня его цифровизации и внедрения новых информационных технологий. В современную эпоху это является велением времени. Действительно, во многих сферах цифровые технологии активно применяются и заменяют традиционные способы обмена информацией. Используются цифровые технологии и в деятельности органов власти и управления. Так, в настоящее время уже никого не удивит электронным документооборотом, подписанием документа электронной цифровой подписью, хранением информации на электронных носителях для целей документооборота и т.п. Со временем может стать вопрос о полной замене действий, осуществляемых человеком, интеллектуальными системами («искусственным интеллектом»). При этом в большей степени проблемы могут возникнуть в тех сферах, где человек принимает юридически значимые решения.

Информационно-цифровые технологии позволяют увеличить оперативность передачи информации, что в свою очередь влияет и на время подготовки ответа на поступившие вопросы [Гребеник В.В., Воротникова И.В. Гребеник В.В., Воротникова И.В., 2018: 18]. В частности, сокращается время на различного рода согласования документов. Все это положительным образом сказывается на получении заинтересованными лицами необходимой информации.

Кроме того, цифровые технологии оказывают позитивное влияние и на организацию деятельности различных подразделений. В частности ускоряется поиск информации для составления необходимых документов. Отпадает необходимость хранения большого количества документов. Это в свою очередь позволяет освободить помещения, которые можно более эффективно для организации работы соответствующих служб [Варламова Л.Н., 2016: 99]. Соответственно, имеется возможность сократить расходы на выполнение организационно-технических работ и др.

Надо отметить, что первоначально цифровые технологии получили наибольшее распространение в негосударственном секторе, прежде всего в сфере бизнеса. Как правило, это те его направления, которые были связаны с работой с большим количеством клиентов, обработкой значительных объемов информации и т.п. В основном это были финансовые компании, а также организации, работающие в информационной сфере [Петрова Л.В., Кузнецова Т. Е., 2020: 76]. Однако впоследствии они распространились практически на все сферы, даже на те, которые в меньшей степени были способны принять цифровизацию, например, розничная торговля.

В последующем информационные технологии стали проникать и в государственную сферу. Однако в ней процесс внедрения указанных технологий проходил несколько медленнее, чем в сфере бизнеса [Яковлев-Чернышев В.А., 2021: 41]. Это было связано как с объективными, так и субъективными сложностями. Прежде всего, государственные органы потенциально должны вести работу со всеми категориями граждан. Очевидно, что далеко не все из них одинаково хорошо владеют информационными технологиями. В то же время государство должно обеспечивать такие условия, при которых не должно быть каких-то ограничений доступа к государственным услугам и функциям в зависимости от степени владения информационными сервисами. Кроме того, зачастую государственные органы в большей степени связаны с предоставлением юридически значимых документов, что предполагает необходимость определенной идентификации посредством подписания соответствующего документа. Данный фактор долгое время, да и в определенной степени и на современном этапе, является сдерживающим фактором широкого внедрения современных технологий.

Также нельзя сбрасывать со счетов и разные региональные условия с точки зрения информационно-технологического развития [Архипова М.Ю., Сиротин В.П., 2019: 677]. С учетом единого характера Российского государства распространение информационных технологий также должно строиться равномерно с учетом возможностей регионов.

Следует учитывать и отдельные субъективные факторы, препятствующие применению информационных (цифровых) технологий в сфере государственной деятельности. Прежде всего, это различный уровень цифровой грамотности сотрудников государственных и муниципальных органов. Это не позволяет в одинаковой степени вовлекать широкую массу служащих в обеспечение информационных технологий. Соответственно, неодинаково и развитие информационной обеспеченности органов государственной власти. Опять-таки здесь играет роль и региональная специфика. Также надо отметить и недостаточность финансовых ресурсов для обеспечения массового перехода к применению информационных технологий в сфере работы государственных органов.

Однако имеются сегменты государственной деятельности, в которых развитие информационных технологий сдерживается объективными факторами. Речь, прежде всего, идет о юридической сфере. Тут надо отметить, что юридическая деятельность предполагает наличие документов, требующих надлежащей идентификации лица, от которого они исходят [Чураков В. Д., 2020: 110]. Без этого законодательство не предусматривает возможности наступления юридических последствий. Речь идет о направлении различного рода исковых заявлений, отзывов на них, повесток, судебных постановлений и т.д. В условиях отсутствия возможности идентификации лица, от которого исходит документ, не исключены различного рода злоупотребления, имеющие достаточно серьезные юридические последствия в виде возложения исполнения различного рода обязательств, привлечения к ответственности и др. Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов и фактор сложившихся традиций и привычек. Несколько столетий складывалась ситуация, когда официальная, влекущая правовые последствия информация, оформлялась письменно. Именно с письменным документом и в настоящее время большое количество граждан, особенно пожилого возраста, связывает подачу официальной и имеющей юридическую силу информации. Особенно это касается тех сфер, которые предполагают возможность привлечения к ответственности. Указанные обстоятельства долгое время сдерживали применение информационных технологий юридической сфере, особенно в сфере судопроизводства.

В то же время объективно была недопустима такая ситуация, когда одна из сфер была бы полностью исключена из информационно-цифрового развития страны. Поэтому поэтапно началось внедрение информационных технологий в юридической сфере. Первоначально, были проведены эксперименты с возможностью дистанционного участия в процессе посредством применения видео-конференц-связи (ВКС) [Плахота К. С., 2021: 95]. В данном случае дискуссионным был вопрос относительно соблюдения принципа гласности и непосредственности участия в судопроизводстве. Данная форма получила достаточно широкое распространение, особенно в уголовном процессе, поскольку позволяла проводить процессы без реального присутствия сторон, главным образом со стороны защиты в процессе. Но в данном случае речь шла о применении не столько информационных, сколько дистанционных технологий.

В дальнейшем стали применяться некоторые информационные технологии в отдельных сферах судопроизводства. Так, после поправок в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации стала возможной подача ряда документов посредством электронных ресурсов. В частности речь шла об отправке исковых заявлений, отзывов на них,

отдельных процессуальных документов. Кроме того, расширилась практика применения ВКС в рамках арбитражного судопроизводства. Однако на первых порах все это сдерживалось сложностями, связанными с идентификацией лица, подающего соответствующие документы. В то же время по мере применения соответствующих технологий и развития сервисов, связанных с подписанием документов посредством электронной подписи соответствующие нормы получили более широкое применение в арбитражном судопроизводстве. Этому способствовало и внедрение сервиса «Мой арбитр» [Афанасьев С.Ф., Борисова В.Ф., 2016: 24]. Таким образом, именно система арбитражных судов стала своего рода экспериментальной площадкой по транслированию передовых технологий в сфере правосудия.

В то же время в других видах судопроизводства применение информационно-цифровых технологий не было столь интенсивным. Так только относительно недавно в гражданское процессуальное законодательство были внесены нормы, касающиеся применения информационных технологий. В частности, речь идет о возможности подачи документов с помощью «удаленных» технологий для начала и ведения гражданского судопроизводства. Однако широкого распространения в гражданском процессе подобные технологии пока не получили.

Еще сложнее информационно-цифровые технологии внедряются в сферу уголовного судопроизводства. Это связано с особенностями самого уголовного судопроизводства, особенно на досудебных стадиях. Так, многие действия, производимые на данных стадиях, требуют личного присутствия участников. К примеру, проведение большинства следственных действий объективно невозможно посредством применения информационно-цифровых технологий. Это объясняется тем, что в данном случае они осуществляются не столько путем обмена документами, сколько проведением активных действий непосредственно самими участниками следственных мероприятий. Подобные действия не могут пройти процесс перевода в цифровую форму [Шереметьев И.И., 2019: 119].

Определенный толчок в развитии информационных технологий в сфере уголовного и гражданского судопроизводства дала пандемия COVID-19. В связи с необходимостью ограничения личных контактов и посещения публичных мест, включая и судебные присутствия, стал вопрос о способах передачи информации, которая необходима для осуществления судопроизводства. В связи с этим вынужденной мерой стало использование дистанционных и удаленных технологий при обмене информацией в сфере судопроизводства [Спесивов Н.В., Титов А.А., 2020: 196].

В то же время имеются определенные аспекты, которые могут так или иначе предполагать применение цифровых технологий. В частности в электронную форму можно перевести процесс направления повесток и иной информации участникам уголовного судопроизводства. Кроме того, материалы следственных действий уже после их проведения могут пройти процесс оцифровки. Также наиболее важным для уголовного судопроизводства, по крайней мере, на современном этапе является оцифрование и последующее хранение материалов уголовных дел. В этой связи следует подчеркнуть, что многие современные уголовные дела, особенно по ряду составов преступлений, включают несколько десятков, а то и сотни томов. Соответственно возникает проблема ознакомления с ними и последующего их хранения. Именно здесь как раз таки и может помочь процедура перевода материалов дела в цифровую форму. Это поможет решить не только процессуальные вопросы, но также и чисто организационные моменты последующего хранения уголовных дел.

Одним из возможных направлений применения информационно-цифровых технологий в рамках уголовного судопроизводства видится принятие норм, предусматривающих введение т.н. «электронного уголовного дела». Под электронным уголовным делом следует

понимать совокупность процессуальных документов, собранных в рамках расследования уголовного дела, переведенных в электронную форму. Соответственно электронное уголовное дело предполагает прохождение такой же процедуры, как и обычное уголовное дело, где процессуальные документы закреплены на бумажном носителе. Главная разница будет состоять в том, что процедура формирования электронного уголовного дела будет сопровождаться составлением или последующем переводом процессуальных документов на цифровые носители. Введение такого варианта позволило бы существенно сократить время на составление и передачу процессуальных документов сторонам уголовного судопроизводства. Кроме того, это позволит снизить расходы, связанные с хранением уголовного дела. Также облегчится процесс ознакомления с материалами уголовного дела в случаях, если материалы этого дела заключены в десятки, а то и сотни томов [Трефилов А.А., 2011: 68]. Иногда в процессе перевозки материалов дела задействуют грузовой транспорт. Естественно, что все это затягивает процедуру рассмотрения уголовного дела. Поэтому вариант с возможным возбуждением электронного уголовного дела кажется весьма эффективным способом разрешить данную проблему.

В то же время есть и препятствия, связанные с введением электронного уголовного дела. Это и неподготовленность большинства участников уголовного судопроизводства, и отсутствие возможности идентифицировать подписи к процессуальным документам, которые исходят от компетентных участников уголовного дела. В последнем случае это имеет опасность в виде фальсификации доказательств. С учетом важности категории доказательств для уголовного процесса, процедура электронного закрепления доказательств требует дополнительной проработки, поскольку в противном случае имеется риск потери доказательств по уголовному делу. Кроме того, есть и сложности материально-технического характера. С большей степенью вероятности можно сказать, что далеко не во всех регионах имеется возможность обеспечить процедуру ведения уголовного дела в электронной форме.

Также проблемой может стать определение оператора, который мог бы хранить соответствующие файлы с информацией по электронному уголовному делу. Соответственно на него следует возлагать ответственность за утрату и изменение (повреждение) файла. Возможны, таким образом, действия, направленные на уничтожение или изменение файла с целью удалить информацию о доказательствах виновности лица. И если для уничтожения дела на бумажном носителе необходимо получить доступ к помещению, где оно хранится, что может представлять несомненную сложность, в то же время электронное уголовное дело может быть взломано злоумышленниками, в том числе и находящимися за пределами Российской Федерации. Ситуация может осложниться тем, что какое-то время информация о взломе дела не будет известна лицам, которые хранят у себя в информационной системе соответствующие файлы.

Указанные сложности являются причиной того, что в настоящее время даже не были внесены какие-либо законопроекты относительно возможности внесения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации норм, регламентирующих возможность ведения уголовного дела с применением информационно-цифровых технологий. В то же время их развитие рано или поздно поставит вопрос о необходимости введения отдельных цифровых элементов в уголовные дела, а в последующем и возбуждения самих уголовных дел в электронном виде. Соответственно, данный вопрос требует теоретического обсуждения с целью необходимости рассмотрения отдельных аспектов возбуждения уголовного дела в электронной форме. Именно это позволит выработать концептуальную модель электронного уголовного дела.

Таким образом, одним из первых шагов в модернизации уголовного судопроизводства должен стать переход на новую форму уголовного дела и отказ от бумажных процессуальных документов. В свете этого предлагается на первом этапе в качестве альтернативы использовать электронную форму уголовного дела, которая должна в значительной мере упростить процедуры собирания доказательств и составления процессуальных документов [Сарлыбаев В.А., 2017: 82].

Важным элементом электронного уголовного дела должен выступать электронный носитель, предназначенный для хранения цифровой информации – материалов уголовного дела, полностью заменяющий собой бумажный вариант уголовного дела, позволяющий использовать его совместно с портативным компьютером для собирания доказательств в рамках расследования и рассмотрения уголовного дела. При этом в данном цифровом носителе должна быть заложена программа по формированию уголовного дела, содержащая в себе алгоритм последовательных действий (движения уголовного дела) с момента возбуждения дела и до момента исполнения приговора, включающая в себя бланки и шаблоны отдельных процессуальных документов (например, протокол осмотра происшествия или протокол предъявления для опознания, графы которых будут заполняться необходимой информацией) и позволяющая прикреплять к данным документам в электронной форме все сведения о полученных доказательствах, включая фото, кино- и видеоизображения, а также иные файлы и программные продукты. Электронная форма уголовного дела может ограничиться всего лишь одним цифровым, но прочным носителем, в котором будут содержаться все материалы по делу либо по нескольким делам.

В завершение следует констатировать, что в настоящее время можно говорить о значительном применении информационно-цифровых технологий в различных сферах, включая и юридическую. Причем ближайшим будущим может являться замещение интеллектуальными системами («искусственный интеллект») человека даже и в традиционных сферах. Речь идет о таких сегментах, где участие человека является необходимым с точки зрения самой природы соответствующей деятельности. Прежде всего, это сферы государственного управления и юриспруденции. В этой связи важной видится научная дискуссия относительно различных форм применения информационных технологий.

Библиографический список

Архипова М.Ю., Сиротин В.П. Региональные аспекты развития информационно-коммуникационных и цифровых технологий в России // Экономика региона. – 2019. – №3.

Афанасьев С.Ф., Борисова В.Ф. Правовое регулирование электронного обращения в суд по гражданским делам: современное состояние и перспективы // Legal Concept. – 2016. – №1.

Варламова Л.Н. Стандартизация управления документацией как инструмент формирования и развития информационного общества // История и архивы. – 2016. – №1.

Гребеник В.В., Воротникова И.В. Тенденции новых цифровых технологий в развитии современного бизнеса // Вестник евразийской науки. – 2018. – №3.

Петрова Л.В., Кузнецова Т. Е. Цифровые технологии в экономике и бизнесе // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. – 2020. – №2.

Плахота К. С. использование видео-конференц-связи при расследовании преступлений // Вестник Краснодарского университета МВД России. – 2021. – №3.

Рубеко Г.Л. Борьба с коррупцией в России: исторические аспекты // Актуальные вопросы безопасности Российской Федерации: материалы региональной научно-практической конференции. Региональное отделение Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» по Республике Калмыкия, Управление Министерства юстиции России по Республике Калмыкия/ – Элиста, 2017.

Рубеко Г.Л. Противодействие коррупции. – Элиста: Изд-во КалмГУ, 2017.

Сарлыбаев В.А. Перспективы внедрения электронной формы уголовного дела в деятельность судебных органов // Правопорядок: история, теория, практика. – 2017. – №2.

Спесивов Н.В., Титов А.А. Пандемия COVID-19 как фактор «Вынужденной цифровизации» российского уголовного судопроизводства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2020. – №3.

Трефилов А. А. «Объем» уголовного дела и его влияние на достижение целей судопроизводства // Всероссийский журнал научных публикаций. – 2011. – №5.

Чураков В. Д. Актуальные вопросы применения информационных технологий в юридической науке и практике // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2020. – №1.

Цифровое будущее государственного управления по результатам / Е. И. Добролюбова и др. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019.

Шереметьев И.И. Использование цифровых технологий при рассмотрении уголовных дел в суде: реальность и перспективы // Lex Russica. – 2019. – № 5.

Яковлев-Чернышев В.А. Цифровизация государственного управления в российской федерации: преимущества и риски // ВВ: Административное право и практика администрирования. – 2021. – №2.

Журнал «Феномен права и законодательство: стратегии и методы познания» предоставляет возможность научному сообществу публиковать новейшие оригинальные результаты своих исследований в области права, привлекает внимание ученых, включая специалистов из смежных областей, а также преподавателей и аспирантов вузов, к перспективным и актуальным направлениям современной науки

Учредитель/Издатель:

ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет
им. Б.Б. Городовикова» (КалмГУ)

Адрес редакции:

358000, Республика Калмыкия, г. Элиста,
ул. им. А.С. Пушкина, 11.

Главный редактор:

Цуглаева Нина Викторовна
E-mail: palestinka-30@mail.ru

Научные редакторы:

А.Я. Рыженков,
Н.В. Цуглаева

Переводчик:

З.Б. Доржинова

Компьютерная верстка:

Т.Е. Хахулин

Дата загрузки: 30 ноября 2022 г.

**Мнение редколлегии журнала
может не совпадать с мнением авторов**